

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

汉语
教学
与
研究

2000

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Ежегодный альманах

2000

Российская ассоциация преподавателей китайского языка

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	
Тань Аошуан. Новая концепция преподавания китайского языка.....	6
СЕМИНАР ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	
Тань Аошуан. Модальные глаголы китайского языка	17
Тань Аошуан. Синописи модальных глаголов китайского языка	22
Тань Аошуан. Тест по модальным глаголам.....	30
ВНИМАНИЮ ИЗУЧАЮЩИХ И ПРЕПОДАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	
Тань Аошуан. К выработке адекватного подхода к грамматике КЯ	32
Тань Аошуан. Как читать заголовки в китайской прессе?.....	37
ЭТО ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ О КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ КИТАЯ	
О.И.Завьялова. Диалекты китайского языка.....	39
Д.Н.Воскресенский. Современные китайские авторы и их произведения. Творческий портрет Су Туна	48
КИТАЙСКАЯ МУДРОСТЬ	
Афоризмы Конфуция.....	53
КИТАЙСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ	
中国现代诗： 过客 吴晟	55
НЕМНОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	
谭傲霜. 中国历史简介(一)	57
谭傲霜. 怎样记住中国的省名	59
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА	
Тань Аошуан. Четверо благородных в китайской живописи	61
А.М. Карпачев. Специфика признака пола в китайском языковом сознании	66
НАУЧНАЯ ТРИБУНА	
А.Б.Захарьин. Этимология и эволюция концепта «культура» в Чжоуском Китае	76

ИЗ КУРСОВЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ

- М. Осташева.* Лингвистическая реконструкция судеб персонажей на материале стихов в романе «Сон в красном тереме» 89
Е. Кузнецова. «Записки о музыке» и древнекитайская концепция музыки ... 95

КИТАЙ И ЛЮДИ

- А. М. Карапетьянц.* Сергей Старостин 102
Н. И. Литвинов. Аспирантка 105
尹南鹏. Посещая пушкинские места 108
蓝桦. 哎哟--露西亚---这就是俄国! — Ай да Россия! 109

КИТАЕВЕДНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

- Л. В. Баньковский.* Синологическая библиотека 111

ЗДЕСЬ ПРЕПОДАЮТ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

- Восточная гимназия в Санкт-Петербурге 113
Л. Виктор. Изучая китайскую грамоту 117

КЛЮЧ К ТЕСТУ ПО МОДАЛЬНЫМ ГЛАГОЛАМ 120

К читателям

Вы держите в руках первый выпуск альманаха «Изучение китайского языка», подготовленный под эгидой Российской ассоциации преподавателей китайского языка (РАПКЯ), зарегистрированной в настоящий момент как Региональное общественное объединение преподавателей китайского языка.

Это издание рассчитано прежде всего на лиц, изучающих или преподающих китайский язык. Это, однако, не означает, что оно не представляет интереса для китаеведов вообще или даже для всех лиц, интересующихся Китаем и его культурой, поскольку некоторые публикуемые материалы являются исследованиями, а некоторые доступны и для людей, незнакомых с китайским языком.

Этот номер подготовлен в основном силами кафедры китайской филологии ИСАА при МГУ. Его содержание несколько отлично от объявленного в Информационном бюллетене № 2 Ассоциации. Это связано как со степенью готовности материалов, так и с ограничениями на объем публикации.

Несколько слов о рубриках данного выпуска. Первая — это «Методика преподавания китайского языка», где помещена статья, имеющая отношение к самым общим принципам преподавания китайского языка.

Практическим продолжением этой рубрики служит следующая рубрика, включающие материалы семинара Тань Аошуан по преподаванию грамматики китайского языка в Центре по изучению китайского языка (Межвузовский факультет по преподаванию китайского языка ИСАА при МГУ). В данном выпуске описывается специфика китайских модальных глаголов, приводится сводка основных модальных глаголов и тест, позволяющий проверить степень владения материалом.

Рубрика «Вниманию изучающих и преподающих китайский язык» содержит материалы, способствующие выработке у приступающих к изучению китайского языка правильного подхода к грамматике, а у продолжающих это обучение — навыков чтения газетных заголовков.

В рубрике «Это полезно знать о китайском языке и литературе Китая» помещены статьи, описывающие систему диалектов китайского языка в свете самых последних исследований и новинки художественной литературы Китая.

Следующая рубрика содержит страноведческие материалы, написанные Тань Аошуан. Они могут быть использованы в педагогической практике и в целях самообучения (к таким материалам, впрочем, может быть отнесен и последний материал рубрики «Китай и люди»). Первый из этих материалов — краткий очерк истории Китая — будет продолжен в следующем номере.

Страноведческую часть альманаха завершают рубрики «Китайская мудрость» (эту рубрику, естественно, открывают афоризмы Конфуция), «Китайское стихотворение».

Следующая рубрика — «Китайский язык и китайская культура» задает переход от «педагогической» к «научной» части журнала. Вторая ее статья написана достаточно популярно и в то же время затрагивает важные проблемы когнитивной лингвистики.

В этом выпуске рубрика «Научная трибуна» содержит статью молодого исследователя, посвященную анализу понятия «вэнь» — одного из основных понятий китайской культуры. Она будет интересна и для изучающего китайский язык, и для специалиста по китайской научной традиции.

Эту рубрику продолжает рубрика «Из курсовых работ студентов». В данном случае это две курсовые третьекурсников ИСАА при МГУ.

Следующая рубрика — «Китай и люди» может показаться несколько необычной. В ней стандартен только первый материал — вехи жизненного пути выдающегося ученого. Далее помещено «био-интервью» Н.И.Литвинова, взятое из издаваемой им газеты «Ключи Востока». Следующий материал этой рубрики взят также из «Ключей Востока». Это фрагмент другого био-интервью — стихотворение, написанное тайваньским магистром после посещения Пушкинских мест. Последний материал этой рубрики — изложенные прекрасным литературным языком впечатления о поездке в Россию китайского по происхождению преподавателя американского университета, у которого интерес и любовь к нашей стране были выработаны еще в юности, когда он жил в КНР.

В конце альманаха содержится информация о центрах изучения Китая и преподавания китайского языка.

Российская ассоциация преподавателей китайского языка выражает благодарность Издательскому Дому «Муравей», выступившему инициатором создания альманаха и взявшему на себя техническое обеспечение и финансирование его издания.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

ОТ РЕДАКТОРА

Несмотря на многолетний опыт преподавания китайского языка, степень владения китайским языком российских китаистов значительно уступает степени владения русским языком китайских русистов при аналогичном числе учебных часов. Недостатки языковой компетенции отечественных (впрочем, и зарубежных тоже) китаистов проявляются прежде всего в искажении тоново-интонационной структуры, в неадекватном использовании грамматических средств, в отсутствии надлежащих навыков чтения с листа.

Между тем, неестественность сложившегося положения видна уже в том, что студенты ИСАА при МГУ, имея 6 часов западного языка в неделю, при начале обучения английскому языку «с нуля» уже на третий год безо всякого труда читают обычный английский текст, китаисты же не способны на это даже после четырех лет обучения при 10–16 часах в неделю.

Ссылки здесь на сложность языка неуместны: иначе придется предположить, что средний китаец умнее среднего европейца. Причина здесь может быть только одна — пороки методики, связанные с неадекватностью описания китайского языка. Проиллюстрирую свою мысль следующим английским примером. Представьте себе страну с таким уровнем преподавания английского языка, что в плохом учебнике говорится: «Англичанин может сказать, как угодно — the cat, a cat или просто cat», а в хорошем учебнике после этого добавлено мелким шрифтом: «Возможно, между the cat, a cat и просто cat и есть какая-то разница, но она доступна только носителям языка, впрочем, даже они выразить ее членораздельно не в состоянии».

Первая из содержащихся в данной рубрике статей представляет собой вполне членораздельное изложение такого рода информации и описание практически осуществленных шагов в направлении преодоления вышеуказанных пороков.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ¹

Постановка вопроса

На фоне достаточно высокого общего уровня лингвистических исследований и преподавания иностранных языков в России и западных странах отставание в изучении и преподавании китайского языка как иностранного достаточно ощутимо. Объяснением такого положения дел вряд ли может служить экзотичность данного языкового строя. Если не затрагивать экстралингвистических факторов, по-видимому, просто до последней четверти уходящего века уровень развития лингвистической науки еще не достиг той степени, которая позволила бы адекватно интерпретировать и, что самое главное для преподавания, моделировать такие знаковые системы как китайская.

Оставив в стороне лингвистические исследования, совершим небольшой исторический экскурс в проблемы, существующие в преподавании китайского языка.

В 50–60-е гг. на Западе большой популярностью пользовался цикл учебников, созданный проф. Дефрансисом (Гавайский университет, США). Суть применяемой там методики сводилась к активизации определенных списков иероглифов. Язык преподавался и усваивался через овладение правильным употреблением иероглифов, достигаемым благодаря изучению текстов, в которых эти иероглифы встречались.

Такой подход в самом конце 80-х гг. был реанимирован в Сорбонне Ж.Белассеном, выпустившим в соавторстве с Чжан Пэнпэн два учебника китайского языка, получившие высокую оценку преподавателей-ме-

¹ В основе данной статьи также лежит доклад, прочитанный на IV международном симпозиуме по преподаванию китайского языка (Тайбэй, 1994). Центральные положения методологической концепции автора отражены в следующих публикациях: Введение осмысленных единиц как методологическая основа обучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер.13. Востоковедение. 1993. № 3; 汉语教学和中介 语. 第四届国际汉语教学讨论会论文提要北京, 1993; 俄罗斯汉语教学的实践与思考. 语言文字应用. 北京, 1994. # 2. Лингвистическая концепция, положенная в основу предлагаемой методики, намечена в статье «A System of Operators in Concealed Grammar (a typological study in modern Chinese grammar) // Internationale Beiträe zur Vorgeschrittenendidaktik des Chinesischen. Heidelberg (в печати), и развернута в докторской диссертации автора «Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка)» (М., 1995).

тодистов¹. В 70–80 гг. составной частью обучения китайскому языку стали ситуативные методы. Каждый из вышеназванных методов имеет свои преимущества, однако с точки зрения сегодняшнего дня они недостаточны. Представляется также, что противопоставление иероглифа слову достаточно условно — все зависит от уровня употребления.

В СССР уже с 50-х гг. было обращено особое внимание на обучение тонам, что отразилось в стандартном учебнике, созданном на основании грамматической концепции А.А.Драгунова². С момента создания этого учебника, явившегося для своего времени огромным шагом вперед, прошло почти полвека. И сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что главный недостаток преподавания китайского языка, как в России, так во всем мире сводится к тому, что студенты не обучаются умению оперировать осмысленными речевыми единицами, вводимыми на всех уровнях — фонетическом, лексическом и грамматическом — и на всех этапах обучения³.

Опыт нашей работы, а также анализ общеметодических установок учебников китайского языка для иностранцев, выпущенных в КНР за последние тридцать лет, позволяет охарактеризовать ситуацию следующим образом.

С самого начала обучения все вводится по отдельности — грамматика, лексика и фонетика. Предложение представляется как сумма тонированных слогов, нанизанных на некий мифический интонационный рисунок. Интонация тренируется на основании отдельно взятых реализаций, причем полностью сбрасывается со счетов фактор смыслового выделения. Студенты обучаются тонам и интонации китайского языка вне связи со смысловым заданием высказывания, которое выявляется фразовым ударением, логическим ударением, контрастивным и эмфатическим ударением вместе с интонацией, выражающей данный коммуникативный тип. Студенты воспроизводят неосмысленные фразы-конструкты или в лучшем случае фразы, на которые спроецированы семантические представления

¹ Bellassen J, Zhang Pengpeng. *Methode d'Initiation a la Langue et a l'Ecriture chinoises*. Paris. 1989; *Perfectionnement a la Langue et a l'Ecriture chinoises*. Paris. 1991.

² Драгунова Е.Н., Задоев Т.П., Лю Цюань-ли. Учебник китайского языка. М., 1965 (первый ротационный вариант 1990–1991 гг.). Последняя редакция этого учебника в двух книгах: Задоев Т.П., Хуан Шун. Основы китайского языка. Вводный курс. М., 1983; Основы китайского языка. Основной курс. М., 1986.

³ Подробнее об этом см. Тань Аошун. Введение осмысленных единиц как методологическая основа обучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер.13. Востоковедение. 1993. № 3.

русского языка. Когда же появляется желание сказать что-то от себя, а не просто воспроизвести выученные многочасовым сидением магнитные записи диктора, нитки, на которые механически нанизаны тонированные слоги, оказываются не в силах удерживать тоны в исходном виде произнесения в изолированной позиции.

Сходные явления наблюдаются и в грамматике. Как известно, в китайском языке отношения между словами выражаются внешними средствами, такими как порядок слов, служебные слова. Сложность здесь состоит в том, что из-за относительной фиксированности порядка слов, актуальное членение предложения передается множеством других средств, которые не получили отражения в учебниках. Использование грамматических показателей также вызывает вопросы в связи с тем, что, во-первых, их полифункциональность не была осознана и адекватно описана. Во-вторых, они не всегда употребляются там, где русский студент их ожидает и не обладают той обязательностью, как, например, русские словоформы.

Преподавателю необходимо четко определить: а) когда маркировка обязательна; б) когда соответствующий показатель не употребляется, так как нужная информация уже передана другими средствами (оба случая предполагают обязательность, только не грамматическую, а семантико-прагматическую); в) когда употребление показателя факультативно, т. е. зависит от стилистических соображений — выделения того, что говорящий считает важным. Другими словами, надо отвечать на вопрос, почему в данном месте тот или иной показатель эксплицируется или наоборот скрывается.

Китайскими авторами уже отмечалось, что по отношению к показателю 了 существует 隐显问题 (проблема сокрытия или экспликации). Наше исследование функций этого показателя и правил его употребления показало, что такое «поведение» отличает не только показатель 了, и не только глагольные показатели. Оно характерно и для оформления существительных, прилагательных, наречий и даже некоторых предлогов и союзов.

Таким образом, познать механизм функционирования китайского языка возможно лишь при четкой корреляции языковых форм с выполняемыми ими функциями в процессе коммуникации. Но традиционная методика введения языковых единиц не исходит из того, что сказать что-то значит

совершить речевой акт¹. А подходить к речевому акту следует как к способу достижения определенной цели и под этим углом зрения рассматривать используемые человеком языковые средства.

Под языковой формой, разумеется, подразумевается не только синтаксическое представление предложения. Для нас важна и его интонационная структура. В сознании обучаемого каждая вводимая в процессе обучения поверхностная структура должна непременно соотноситься с неким семантико-прагматическим представлением, отражающим намерения говорящего. Именно такой механизм действует при использовании родной речи. Только при таком подходе у студента появляется ощущение осмысленного говорения, т. е. того, что произносимое им имеет смысл настолько, насколько его имеет произносимое на родном языке.

Методика введения осмысленных единиц

Вышеизложенные рассуждения свидетельствуют о необходимости выработки языка-посредника или метаязыка, эксплицирующего коммуникативный характер или тип речевого акта. Этот язык-посредник можно условно обозначить как коммуникативные универсалии, поскольку его понятия являются универсальными, свойственными всем человеческим языкам. Например, для утвердительных предложений или высказываний это такие понятия как «сообщение», «анонс», «общее суждение», «отрицание», «подтверждение», «уточнение» или «разъяснение», «коррекция», «предположение». Для побудительных предложений это «приказ», «просьба», «совет», «запрет», «предостережение» и т. д. Для вопросов и вопросительных предложений также можно предложить целый список таких элементарных понятий в зависимости от коммуникативной установки говорящего.

Любое высказывание так или иначе принадлежит к определенному коммуникативному типу, который свойственен всем языкам и который соответствует определенной коммуникативной модели. Но в каждом отдельно взятом языке эти коммуникативные категории могут выражаться разными языковыми формами. При этом даже у типологически отдаленных языков можно обнаружить немало сходства в отношении акту-

¹ Речевой акт здесь понимается согласно стандартной теории речевых актов, восходящей к Дж.Остину и Дж.Серлю (Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. М., 1986).

ального членения, акцентного выделения и объема вводимой информации. Для китайского языка, например, различия в характере речевого акта могут сказываться на грамматическом оформлении высказывания, т.е. на механизме экспликации различных показателей.

Введение осмысленных единиц не только предполагает, что каждое вводимое в процессе обучения высказывание соответствует определенному речевому акту. Для него необходимо и наличие языка описания, способного эксплицировать характер этого речевого акта и указать ту синтаксическую и интонационную модель, с которой он соотносится. Ниже на конкретном грамматическом и интонационном материале я попытаюсь показать соотношение между поверхностными и глубинными структурами языка.

Обычно, при желании сообщить собеседнику новость, о которой ему неизвестно, новая информация вводится в предикате, выраженном глаголом:

1а. 尼克松去世了.

«Никсон умер».

1б. 王宗明先生要来莫斯科了.

«Г-н Ван Цзунмин скоро приедет в Москву».

1в. 小张在看电视.

«Сяо Чжан сейчас смотрит телевизор».

1г. 我们要买辆新车.

«Мы собираемся купить новую машину».

1д. 我知道, 我看过一些资料.

«Я знаю [об этом], я читал некоторые материалы».

Эти предложения относятся к одному и тому же типу речевого акта — это сообщения. Предложения-сообщения обладают тремя особенностями. Во-первых, ударение в них падает на конец; во-вторых, они обычно имеют нейтральный порядок слов; в-третьих, передаваемая ими информация является новой для собеседника. В таких предложениях временная соотнесенность сказуемого и число и характер определенности именной группы должны быть четко переданы, здесь недопустимы никакие неясности. Например, в 1а для передачи значения «ситуация имела место» употреблено служебное слово 了, указывающее на прошедшее время, в 1б для соотнесения со скорым будущим употреблена конструкция 要...了, в 1в требуется 在 для указания на то, что действие находится в процессе своего осуществления, в 1г необходимы модальный глагол 要, обозна-

чающий будущее время, и счетное слово 辆 для указания на новизну и неопределенность означаемого именной группы, в 1д употребляется показатель guo для выражения аспектуального значения «по крайней мере один раз».

Если же информация, содержащаяся в предложениях 1, уже известна, а человек хочет уточнить некоторые связанные с ней обстоятельства, получить дополнительные разъяснения, подтверждения и т. п., то нужны иные конструкции, понадобятся и изменения в размещении ударения. В этом случае место фразового ударения займет логическое или эмфатическое ударение. Ср.:

2а. 尼克松是四个月前去世的.

«Никсон умер четыре месяца назад».

2б. 王宗明先生一个人来莫斯科.

«Г-н Ван Цзунмин придет в Москву один».

2в. 小张看电视, [他不去了].

«Сяо Чжан смотрит телевизор, [он не пойдет]».

2г. 我们买新车.

«Мы действительно купим новую машину».

2д. 那些资料是一年前看的.

«С этими материалами я знакомился год назад».

Предложения 2 явно отличаются поверхностными структурами от предложений 1. Предложения 2а-в не вводят никакой новой ситуации, это «разъяснения», а 2г это «подтверждение». Если в предложениях 2а-в, д сместить ударение вперед на глагол или на другое слово, подтверждающее, что данное событие действительно имело место, эти предложения тоже станут «подтверждениями». Ср.:

3а. 尼克松去世了.

«Никсон действительно умер»

3б. 王宗明来莫斯科 (是要来莫斯科, 真要来莫斯科).

3в. 小张是在看电视.

3г. 我看过那些资料.

«Разъяснения» и «подтверждения» отличаются от «сообщений» не только интонацией и ударением, но и синтаксическими структурами и грамматическим оформлением. Если состояние дел, описываемое предикативной частью предложения, уже наступило и это уже известно

слушающему, при разъяснении нет необходимости использовать служебное слово 了, которое в этом случае становится избыточным¹. Так в 2а достаточно употребления конструкции 是...的 с помещением нового после связки. По тем же причинам в 2б можно не прибегать к конструкции 要...了, в 2в не употреблять 在, в 2г — 要 и 辆, а в 2д — 一 и 过. Все эти составляющие не нужны в поверхностной структуре предложений. Здесь и заключена особенность функционирования знаковой системы китайского языка: пользователь этой системой, избегая избыточности, постоянно контролирует сознание слушающего, гибко и своевременно внося только необходимую информацию.

С другой стороны, чтобы убедить собеседника говорящий должен привлечь его внимание, повлиять на него посредством выбора определенных языковых средств. В этом случае с целью выделения глаголы и существительные маркируются дополнительно. Поэтому-то в высказывании «подтверждение» используются служебные слова 了 и 是, а в «суждении» классифицирующего типа постсвязочное имя снабжается показателями типа 一个:

4. 小王是一个聪明的孩子.

Таким образом грамматическое оформление в китайском языке неразрывно связано с противопоставлениями известного неизвестному и значимого незначимому².

Кроме того, предложения с различными структурами передают различный объем информации, что и влияет на выбор конструкции. В русском языке новое и старое дифференцируются посредством порядка слов и ударения. Рассмотрим переводы на китайский язык шести русских фраз.

1. «Эти фотографии сняты моим мужем два года назад».

这些照片是我丈夫在两年前照的.

Это «разъяснение», содержащие две единицы новой информации — обозначения субъекта действия 我丈夫 и времени действия 两年前. Поскольку описываемая ситуация уже известна, а новое передается

¹ Если описываемое предикативом состояние еще не имело места, достаточно ударения на обозначение нового. Одновременное употребление конструкции shì... de уместно только при выделении начальной части сказуемого; постглагольная составляющая, описывающая уже известное, может выноситься в начало предложения с сохранением ударения на новом.

² Это положение мною специально обосновывается в публикациях: 助词了的语意, 功能和隐显问题 第三国际汉语教学讨论会论文选 北京, 1991; 从 恒醒的隐显谈言语语法体系 第四国际汉语教学讨论会论文选 北京, 1995.

составляющими, обычно помещаемыми перед глаголом, здесь необходимо применение конструкции 是 . 的.

2. «Фотографии сделаны великолепно».

这些照片照得非常好.

Здесь новое только оценка говорящего (非常好), а уже известная информация о том, что кем-то были сняты какие-то фотографии, могла быть извлечена из предтекста, ситуации или прочтена между строк. Таким образом не трудно объяснить студентам, что предложение с 得 и дополнительным членом степени при наличии оценочной составляющей является предложением-оценкой.

3. «Тетя вчера вечером приехала из Шанхая».

姑妈昨天晚上从上海来了.

В этом предложении именная составляющая «тетя» находится в долговременной памяти человека, остальные же четыре — «приехала», «вчера приехала», «вечером приехала», «из Шанхая приехала» — это новое. Исходный порядок слов данного глагольного предложения свидетельствует о том, что это «сообщение».

4. «Сяо Ван уехал из Москвы неделю назад».

小王是一个星期以前离开莫斯科的.

В этом предложении новым является только сообщение о времени отъезда Сяо Вана. Поскольку здесь уточняется время уже наступившего события, необходимо использование конструкции 是 . 的.

5. «Я слышал, возвращение Сяо Вана откладывается на неделю».

我听说小王回国的时间要推迟一个月.

В этом предложении две единицы новой информации: то, что возвращение откладывается, и то, что оно откладывается на месяц. То же, что Сяо Ван должен вернуться, уже известно. Это тоже «разъяснение».

6. «Я не знал, что возвращение Сяо Ли на месяц откладывается».

我不知道小王回国的时间要推迟一个月.

Здесь содержится лишь одна единица новой информации — отрицание того, что указанный факт был известен говорящему. Это «отрицание».

Покажем на характерных примерах отношения между, с одной стороны, коммуникативным типом предложения, известным/неизвестным, объемом вводимой информации и, с другой стороны, выбираемой син-

таксической конструкцией, акцентной структурой и словарем¹. Сходные предложения

5а. 王先生两个星期前搬走了

5б. 王先生是两个星期前搬走的.

Описывают одну и ту же ситуацию, но различны по объему передаваемой информации и коммуникативным функциям. Первое — это «сообщение» о факте переезда и его времени, содержащее две единицы новой информации; второе — «разъяснение», имеющее лишь одну единицу.

Студентам трудно понять различие между предложениями 5, поскольку и в русском и в английском языках двум этим фразам соответствует одна (но с различным акцентным выделением):

6а. Г-н Ван переехал [отсюда] две недели назад;

6б. Mr. Wang moved out two weeks ago.

Подобное различие может быть передано только путем расширения предложений:

7а. [Вы знаете,] г-н Ван переехал [отсюда] две недели назад;

7б. [— Когда г-н Ван переехал?] — Г-н Ван переехал две недели назад.

Расстановка ударений в китайской фразе и в ее русском и английском аналогах будет сходным, но роль ударения в русском языке может взять на себя и порядок слов: предложению 5а может соответствовать и русская фраза

5в. «Г-н Ван две недели назад переехал»

с переносом нового в предглагольную позицию. Однако при другом акцентном выделении предложение 5в может служить реакцией на реплику типа «Я слышал, что две недели назад произошли какие-то события, связанные с г-ном Ваном».

Реализация новой методической концепции в учебнике

Вышеизложенное нашло отражение в переработанной под нашей редакцией версии учебника 实用汉语课本, применяемой в ИСАА при МГУ. В его фонетической части было сокращено время для тренировки

¹ Указанные отношения подробно рассматриваются в: Тань Лошун. Актуальное членение и универсальные коммуникативные категории высказываний китайского языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер.13. Востоковедение. 1985, № 4.

произнесения тонированных слогов и изолированных слов, а центр тяжести перенесен на упражнения по тонам, интонации и акцентному выделению в предложениях, а также на упражнения, предполагающие различение речевых актов, соответствующих определенным предложениям¹. Это обеспечило отработку взаимосвязи фонетической и прагматической составляющих языка с самого начала занятий им.

Во всех учебных текстах, диалогах и упражнениях на лексические замещения были проставлены ударения; тексты снабжались специальными упражнениями на акцентное выделение. Такой упор на акцентное выделение объясняется его смыслоразличительной функцией, содержанием в нем указания на тип речевого акта. На фонетическом уровне оно играет роль начала, организующего тоновой рисунок и интонацию предложения.

Китайские авторы включили в учебник принципиально новую рубрику «акцентное выделение на синтагматическом уровне» (意群重音). Однако, к сожалению, такое выделение задавалось лишь для повествовательных предложений с неизменным порядком слов и фразовым ударением в конце (т. е. «сообщений»). К тому же о логическом выделении впервые говорится только в 49-м уроке, хотя это понятие необходимо для объяснения ряда фраз, встречающихся уже в начале учебника. С другой стороны, при указаниях учебника на синтагматическое ударение его носителем объявлены слова или группы слов и остается неясным, на какой именно слог оно приходится. Без решения указанных проблем невозможна выработка настоящего представления о синтагматическом ударении. Поэтому переработанный текст учебника содержит систематические разъяснения этих вопросов, что дает студентам возможность на основании фонетических, лексических и грамматических образцов научиться различать речевые акты и определять намерения собеседника.

В области грамматики мы усилили функциональный подход, объясняя выбор конструкций и употребление служебных слов через взаимодействие грамматики и прагматики. Чтобы научить студентов понимать функцию каждой конструкции, необходимо в первую очередь разграничить в предложении известное и неизвестное. Обучение этому начинается уже со вступительного теста, в котором подобные операции предлагается при-

¹ Смысловое выделение можно вводить и на уровне словосочетания, например, в сочетаниях 三月四号 и 王先生 всегда выделяются составляющие 四 и 王 как более информативные компоненты. В слове 北京 обе составляющие могут получать ударение, ср.: 我去北京 и 我是北京人, 不是天津人.

менить к русским фразам. Так, даже не приступив еще к изучению китайского языка, студенты на материале родного языка получают представление о речевых актах и объеме содержащейся в высказывании новой информации. Таким образом, они оказываются психологически готовыми к аморфности китайского языка и к тем формам упражнений, которые необходимы для владения им.

В версию Shiyong Hanyu keben МГУ (莫斯科大学实用汉语课本) дополнительно включено большое количество ситуативных упражнений, фраз для перевода с русского на китайский и с китайского на русский. Предусмотрены также упражнения, связанные с лингвистической прагматикой, написание сочинений. Все это расширяет возможности самовыражения студентов на китайском языке.

Обычно студенты с правильным произношением лучше выражают свои мысли на языке, у них также реже встречаются грамматические ошибки. Это еще раз свидетельствует о взаимосвязи фонетики и грамматики.

Степень владения языком прежде всего определяется способностями студента. Поэтому ключевым моментом является отбор студентов, для чего и существует система тестов. Конечно, объектом обучения не могут быть только немногочисленные люди, обладающие особой лингвистической одаренностью. Такие студенты при обучении по новой методике чувствуют себя как рыба в воде, они совершенно не нуждаются в дополнительной подготовке для этого. Более того, языковая интуиция позволяет им добиться хороших результатов даже при традиционной методике. Для большинства же студентов, обладающих средними языковыми способностями, новая методика служит единственным средством для преодоления распространенных среди китаистов недостатков произношения и грамматической «глухоты». Разработка такой методики позволяет ставить задачу овладения большинством студентов нормативным китайским языком не как о чем-то просто желательном, а как о вполне возможном.

Представляется, что эффективное сочетание фонетической, лексической и грамматической тренировок, непременно позволит достичь весьма хороших результатов. В основе предлагаемой новой концепции преподавания китайского языка лежит идея моделирования процесса речеобразования, последовательное применение функционального подхода на всех этапах и во всех аспектах обучения.

СЕМИНАР ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Ниже публикуется текст первой лекции по практической грамматике китайского языка, прочитанной доктором филологических наук Тань Аошуан на семинаре, который она ведет в центре изучения китайского языка в Москве. Каждая лекция будет сопровождаться синоптическим комментарием и тестом, ключ к которому будет помещаться в конце номера. Эти лекции посвящены наиболее запутанным вопросам китайской грамматики, с которыми приходится сталкиваться обучающимся китайскому языку и на которые преподаватели не всегда имеют готовые ответы. Напишите нам, какие вопросы возникли у Вас лично при преподавании китайского языка или при обучении ему. Мы постараемся их осветить в нашем семинаре.

Тема первая

Модальные глаголы китайского языка

Модальные глаголы составляют самый коварный раздел грамматики любого языка. Это коварство прежде всего заключается в том, что номенклатура этих единиц у большинства языков в общем совпадает. Это и создает иллюзию, что их употребление в конкретных языках должно быть сходным. Но это только с виду.

Во-первых, в каждом конкретном языке объем значения отдельно взятого модального глагола может оказаться достаточно своеобразным. Возьмем к примеру китайский глагол волеизъявления 要. Спектр значений этого глагола значительно шире, чем русского глагола «хотеть». В зависимости от контекста употребления 要 может означать решение, намерение, желание, реальную необходимость и долженствование (в побудительной конструкции). Русский глагол долженствования, в свою очередь, может выражать разного рода необходимость — логическую и фактическую (реальную).

1а. У меня завтра занятия, я должен идти в институт.

1б. Дети должны слушаться родителей.

Во первой фразе речь идет о фактической необходимости, которая должна вызвать реальное действие, а во второй говорится о том, что

должно быть по логике вещей но бывает далеко не всегда — ведь дети часто не слушаются родителей.

В китайском языке модальный глагол 应该 всегда выражает значение логической необходимости. Не зная этого, обучающиеся часто переводят 1а как

1а' 我明天有课, 我应该去学校.

... когда на самом деле надо сказать:

1а'' 我要去学校.

так как значение фактической необходимости передает только глагол 要.

Высказывание 1а' любой носитель китайского языка воспринял бы как обсуждение говорящим логической необходимости, а вовсе не выражение намерения пойти в институт. Поэтому он будет ожидать, например, продолжения: 不过, 我不想去了, тогда как для 1а'' такое продолжение вызовет эффект парадокса.

В случае 1б перевод

1б' 小孩儿应该听父母亲的话.

эквивалентен русскому оригиналу, так как оба языка здесь выражают значение логической необходимости. Правда, в 1б' 应该 можно заменить на уао, но тогда у 要 будет реализована другая функция — выражение значения логической необходимости, уместное, например, в контексте побуждения:

1а''' 你要听父母亲的话.

«Тебе необходимо (тебе надо, ты должен) слушаться родителей».

Надо иметь в виду, что возможность употребления уао в 1б' обусловлена строением этой фразы в ключе поучения, созвучном с модальностью побуждения.

Благодаря отсутствию в китайском языке грамматической категории времени, модальный глагол уао в определенных условиях употребляется также для обозначения будущего времени. Во-первых, это происходит тогда, когда обозначенная глаголом ситуация входит в знание говорящего, и, во-вторых, когда ситуация впервые вводится в рассмотрение. Первое условие проиллюстрируем следующими примерами:

2а. 要下雨.

«Будет дождь».

2б. 他要走.

«Он собирается уходить» («Он уходит»).

Перед этими высказываниями уместны слова 我知道 «Я знаю...». Это свидетельствует о том, что ситуации «будет дождь» и «он собирается уходить» входят в знания субъекта речи.

Но если описываемая глаголом будущая ситуация составляет мнение говорящего, употребляется модальный глагол *hui*, ср.

3а. 会下雨. «Будет дождь»

(в смысле «говорящий предполагает возможность дождя») и

3б. 他会走. «Он уйдет»

(с точки зрения говорящего он может уйти).

Перед подобными фразами обычно можно поместить 我认为... «Я считаю...»

Второе условие употребления *уао* в качестве средства выражения будущего времени имеет чисто коммуникативную мотивировку. Если, например, вашему собеседнику (слушающему) уже известно, что кто-то собирается уходить, зачем каждый раз подтверждать, что это — его намерение. Употребление *уао* в таком случае воспринимается как грамматическая ошибка. Ср.

4а. 快点吃饭·他要走.

«Поедим побыстрее, он собирается уходить (он уходит)» и

4б. 他什么时候走 (*要走). «Когда он уходит»;

4в. 他一个人走吗? «Он один уходит?» и

4г. 他为什么走? (*要走).

«Почему он уходит (собирается уходить)?».

Употребления 要 в 4г объясняется тем, что при выяснении причины можно подчеркнуть наличие намерения у субъекта действия.

Во-вторых, китайскому языку свойственно значительно чаще прибегать к модальным глаголам, чем, например, русскому, где при наличии развитой морфологии будущее время выражается грамматическими средствами. Отсутствие таких средств в китайском языке, как было показано, вызывает необходимость «обслуживать» при помощи модальных глаголов и потребность выражения значения будущего времени. Это вполне понятно, поскольку элемент значения «ситуация еще не имеет места» входит в толкование любого модального глагола. Но выбор конкретного глагола определяется выражаемой им специфической модальности: что это — волеизъявление, желание, возможность, необходимость, долженствование и т.п. Поэтому о будущем событии носителю китайского языка свойственно говорить в каком-то конкретном модальном ключе.

В русском языке дело обстоит несколько иначе. Употребление глагола в форме настоящего или будущего времени часто скрывает ту модальность, которая может присутствовать в данном контексте. Но при переводе соответствующего высказывания на китайский язык эта модальность должна выражаться обязательно.

5а. «Не беспокойся, я помогу тебе» = «Я смогу помочь тебе».

你别着急, 我能(会)帮你的忙

5б. А Ольга придет? Думаю, что да (= «должна прийти»). Все-таки день рождения!»

奥尔加来吗? 我想她应该来, 过生日嘛!

В третьих, списки модальных глаголов конкретных языков могут различаться, и могут возникать затруднения из-за отсутствия аналогов в родном языке. Например, модальный глагол 愿意 не есть выражение простого желания (каким служит модальный глагол 想). Он отражает внутреннее состояние человека — есть ли у него желание или готовность совершить какой-то поступок или согласен ли он на что-то.

6а. 他们都不愿意去, 怕远, 你愿意去吗?

«Они все не желают ехать туда, их пугает расстояние,
а ты готов поехать?»

6б. 大家都想选他当班长, 但是他不愿意.

«Все хотят выбрать его старостой группы, но он не согласен».

Значение 愿意 отличается от значения 想 отсутствием целевой установки. Можно сказать:

7а. 我想买一本书.

«Я хочу купить книгу».

но нельзя просто сказать:

7б. *我愿意买一本书.

«Я готов купить книгу».

При этом вполне допустимо

7б' 如果需要的话, 我愿意买这本书.

«Если это необходимо, я готов купить эту книгу».

Наконец, употребление модальных глаголов тесно связано с коммуникативными заданиями говорящего, реализующимися в различных типах речевых актов. Поэтому выбор модальных глаголов зависит от типов высказываний, выражающих конкретные модусы, такие как, например, совет, рекомендация, предположение, просьба, разрешение, предложение, наставление, пожелание, упрек, предостережение и т. д. Коммуникативная

категория — это единственное надежное средство «выйти» на разные значения модальных глаголов.

Однако следует иметь в виду, что один и тот же речевой акт в разных языках может оформляться по-разному синтаксически. Например, просьба и предложение в русском языке обычно высказываются посредством побудительного предложения. Китайцам же свойственно выражаться более опосредованно в виде вопросительного предложения, которое звучит менее навязчиво. В противном случае это уже приказ, мольба или уговор. Ср.

просьба в РЯ:

8а. «Научи меня петь китайскую песню [пожалуйста]

8а'. [请你]教我唱一个中国歌(приказ);

8а". 教我唱一个中国歌吧! (мольба).

просьба в КЯ:

8б. 你能不能教我唱一个中国歌?

или

8б'. 教我唱一个中国歌, 好吗!

предложение в РЯ:

9а. «Пошли (пойдемте) в кино после занятий»

9а'. 下课去看电影.

9а". 下课去看电影呢.

предложение в КЯ:

9б. 下课去看电影, 好吗?

Если вы хотите убедиться в том, умеете ли вы правильно употреблять китайские модальные глаголы, попробуйте ответить на вопросы:

а) почему в 5б 奥尔加来吗? перед 来 не стоит модальный глагол 要:

б) как правильно перевести фразу 我明天有课, 我应该去学校, [不过我不想去];

а также объясните, почему нельзя сказать *我要去看奶奶, 可是我不想去. Последнюю фразу попытайтесь передать по-русски таким образом, чтобы стало понятным, почему так не говорят.

Ваши ответы присылайте по адресу, указанному в выходных данных журнала. Правильные ответы будут опубликованы в следующем номере.

СИНОПСИС МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

要1(волеизъявление) = решил сделать Р, будет делать Р, намерен сделать Р;
要2(фактическая необходимость) = нужно, надо сделать Р
(ср.不用(нет необходимости) = ненужно, не надо сделать Р;
想1(желание) = хотеть делать Р, хочется сделать Р.

要1

1а. 我以后要研究中国文学 = 我决定...

«Я решил в будущем заняться китайской литературой»;

1б. 你要研究哪位作家? = 你决定...

«Какого писателя вы будете изучать?»

1в. 我要研究巴金. = 我决定...

«Я буду заниматься Ба Цзинем».

想1

2а. 我以后想研究中国文学.

«Мне в будущем хотелось бы заняться китайской литературой»;

2б. 你想研究哪位作家?

«Каким писателем вы хотите заниматься»;

2в. 我还没决定呢 (还不知道呢).

«А я еще не решил («Я еще не знаю»).

要2

3. 你明天要去学校吗?

«Тебе завтра надо в институт?»;

3а. 要去, 可是我很不想去.

«Надо, но очень не хочется»;

3б. 明天不用(不须要)去.

«Завтра не нужно идти в институт».

要1

4а. 同志, 我要买那本俄汉词典.

«...я куплю этот китайско-русский словарь»;

要2

4б. 我要买一本俄汉词典.

«...мне нужно купить...»

想1

5. 同志，我想买一本俄汉词典，你们这儿有吗？

«... мне нужен русско-китайский словарь, у вас есть такой словарь?»

想2 «думать», «считать», «полагать» (только для 1-го лица);

我看 — по всей видимости, с моей точки зрения;

你看 — как ты думаешь? как по-твоему?

想2

1. 那个人是日本人吗？

«Этот человек — японец?»

- 1a. 我想他不是日本人，他不象日本人。

«Я думаю, что он не японец, он не похож на японца».

你看

16. 他不象日本人，你看呢？

«Он не похож на японца, а ты как считаешь?»

Узнать мнение собеседника, посоветоваться:

2. 你看，这件事怎么办？

«Как ты думаешь, как поступить в данном случае?»

我看 + предположение:

3. 我看，他不可能来。

«Я считаю, что он не придет».

我看 + совет:

4. 我看，你还是回家去吧。

«Мне кажется, будет лучше, если ты пойдешь домой».

我看 + предположение:

5. 我看，我们今天不要去城外了，天气不太好！

«Я считаю, нам не стоит сегодня ехать за город, погода неважная!»

我看 + мнение = обоснованное мнение:

6. 我看，他今天不会来。

«По всей видимости, он не придет сегодня».

会1 (умение)

会2 Говорящий считает, что X сделает P (считает, что может произойти P)
= показателю будущего времени.

要3 Говорящий знает, что X сделает P (знает, что произойдет P)
= показателю будущего времени.

会2

1a. 你放·心, 小王·会·来.

«Не беспокойся, Сяо Ван придет» (я так считаю);

16. 今天·会·下·雨·吗? 一·会·下·雨 (不·会·下·雨).

«Сегодня будет дождь? — Будет дождь (не будет дождя)».

要3 знание:

2a. 李·先·生·今·天·晚·上·要·来·.

«Г-н Ли сегодня вечером придет» (я это знаю);

26. 今·天·要·开·会·.

«Сегодня будет собрание» (я это знаю);

2в. 晚·上·要·下·雨·.

«Вечером будет дождь»

(я это знаю, об этом говорили по радио).

会2 мнение:

3. 已·经·很·晚·了, [我·想] 小·王·不·会·来·了.

«Уже поздно, Сяо Ван вряд ли придет».

会2мнение, граничащее со знанием, уверенное мнение:

4a. 我·知·道·你·(他)·不·会·走·.

«Я знаю, что ты никуда не поедешь (он никуда не поедет)»;

46. 我·知·道·今·天·不·会·下·雨·.

«Я знаю, что сегодня не будет дождя».

会2 заверение:

5a. 我·不·会·作·这·样·的·事·.

«Я так не поступлю»;

56. 你·放·心, 我·会·帮·助·你·.

«Не беспокойся, я помогу тебе»;

5в. 你·不·用·去, 我·们·会·告·诉·你·. «Тебе не надо ходить, мы тебе сообщим».

Когда для обозначения будущего времени употребляется 要3, и когда предложение не оформляется этим показателем?

Сообщение (ситуация вводится в рассмотрение):

- 1а. 小王明天要去参观长城. «Завтра Сяо Ван поедет на Великую стену»;
 1б. 我要去中国留学. «Я поеду в Китай на учебу».

Уточнение (ситуация уже введена):

- 2а. 小王明天去参观长城吗?
 «Сяо Ван завтра поедет на Великую стену?»;
 2а' 小王什么时候去参观长城?
 «Когда Сяо Ван поедет на Великую стену?»;
 2б. 你去中国留学吗? «Ты поедешь в Китай на учебу?»;
 2б' 你什么时候去中国留学? «Когда ты поедешь в Китай на учебу?»

Отрицание (ситуация уже введена):

- 3а. 小王明天不去参观长城.
 «Сяо Ван завтра не поедет на Великую стену»;
 3б. 我不去中国留学. «Я не поеду в Китай на учебу».

Коррекция (ситуация уже введена):

- 4а. 不, 小王去参观北海. «Нет, Сяо Ван поедет в парк Бэйхай»;
 4б. 我不去, 帕兰卡去. «Я не поеду, поедет Бланка».

Уточнение истинного положения дел и подтверждение истинности (возникают сомнения по поводу введенной в рассмотрение ситуации)

- 5а. 小王是不是要去参观长城? — 是要去.
 «Правда ли, что Сяо Ван собирается... — Да, правда»;
 5б. 你是不是要去中国留学?
 «Ты действительно едешь учиться в Китай?»

При отсутствии формы 是不是 общий вопрос не оформляется при помощи 要3, но в ответе такое оформление допустимо:

- 6а. 明天你去不去上课? «Ты завтра пойдешь на занятия?»;
 6б. 去上课 (明天我要去上课). «Пойду (завтра я пойду на занятия)».

能—可以

能1 X может сделать Р, поскольку он имеет соответствующую квалификацию, физические навыки или физиологические свойства:

- 1а. 这个课文，我能翻译，也能背。
- 1б. 你现在能说几句中国话？
- 1в. 我能喝酒，她不能喝。

可以1 Хвастовство или необычные способности:

- 2а. 我一天可以（能）走一百里路。
- 2б. 他冬天可以（能）不戴帽子。 «Он зимой не носит шапку».

能2 Обстоятельства позволяют (не позволяют):

- 3а. 星期六我能看见他，我一定告诉他。
- 3б. 我明天有课，不能来。

能2 Запрет:

- 4а. 现在上课，不能在这里大声说话。
- 4б. 不能在这里吸烟。

能2 Просьба:

- 5. 你能不能教我唱一个中国歌？

能2 Выражение уверенности, что Р может иметь место:

- 6а. 吃饭后散散步能睡得很好。
- 6б. 我想他到了中国，能找一个很好的学校学习汉语。

可以2 Просьба о разрешении:

- 7а. 可以在这里吸烟吗？
- 7б. 可以进来吗？

Выражение разрешения (согласия):

- 8а. 可以晚点来，不要太晚。
- 8б. 可以这样说。
- 8в. 你可以跟我们一块儿去。

可以2 Совет:

9a. 你可以晚点来.

9б. 可以从家里再给他打一个电话.

可以2 Рекомендация:

9в. 这个电影很好, 可以看看.

可以2 (能2) Предложение своих услуг:

10a. 你没有时间, 我可以(能)帮你洗衣服.

10б. 我可以(能)开车来接你.

Отрицанием 可以 служит 不能.

能1 («мочь») и 会1 («уметь») могут заменять друг друга, если речь идет о владении определенными навыками:

1. 他能(会)作饭(游泳、骑自行车、喝酒).

Если это талант «от Бога», возможно только 会1:

2. 小王会作诗(唱歌、画画).

应该 указывает на этическую или логическую необходимость и общепринятую истинность.

Наставление:

1a. 你到了中国应该常常给家里人写信.

(«надо»).

1б. 丁云病了, 你应该去看看她.

(«надо бы»).

Совет (и 要):

2a. 你吃得太少, 应该(要)多吃一些.

(«надо»).

2б. 天冷了, 应该(要)多穿一些.

(«надо»).

Пожелание:

3. 你法语学得不错, 应该常常说.

«У тебя хорошо идет французский, надо только побольше говорить».

Упрек:

4a. 你应该早说, 现在已经太晚了.

(«надо было»).

46. 你不应该在这样冷的天气到城外去，看，你又感冒了。
(«не надо было»).

По логике вещей:

- 5а. 你学了两年汉语，这个字应该知道。 («должен»)
5б. 明天上课她应该知道，可以不打电话。 («должна»);
5в. 今天是新年，我们应该穿新衣服。
5г. 我是老师，应该这样做。

Общепринятая истинность:

- 6а. 学习外语，应该会听会说会写。
6б. 常常生病的人，应该锻炼身体。

不应该 и не

Упрек:

7. 这件事你不应该告诉他，他生气了。 («не надо было»).

Предостережение:

8. 这件事你不要告诉他，他会生气。 («не говори ему об этом»).

应该 и 要:

- 9а. 我应该去看奶奶，可是没去。 («должен»);
9б. 小王今天应该去开会，可是他不想去。 («должен»);
10а. 我要去看奶奶，可是没去。
10б. 小王要开会，可是他不想去。

愿意 и 想

В значении **愿意** нет целевой установки:

1. 我想买一本书，но не * 我愿意买一本书. Этот модальный глагол выражает только внутреннюю готовность (неготовность) что-то сделать или согласие (несогласие) что-то делать. Но когда речь идет об отсутствии желания (готовности) что-то сделать, модальные глаголы **愿意** и **想** становятся взаимозаменяемыми, если действие касается взаимоотношений между людьми, но при этом **xiang** не выражает значение несогласия.

Выражение несогласия:

- 2а. 你跟小王住一间宿舍，好吗？

«Ты с Сяо Ваном будешь жить в одной комнате в общежитии, хорошо?»;

- 2б. 小王总是回来得很晚，我不愿意跟他住。

«Сяо Ван всегда поздно возвращается, я не хочу (= не согласен) жить с ним»

Выражение нежелания:

3. 小王总是回来得很晚，我不想跟他住一间宿舍。

«Сяо Ван всегда поздно возвращается, я больше не хочу жить с ним».

Выражение несогласия в риторическом контексте:

4. 这些工作让你一个人作，你愿意吗？

«Ты согласился бы взять на себя всю эту работу?».

Выражение извинения, когда объективные обстоятельства не позволяют оказать помощь:

5. 我很愿意帮助你，可是我明天要去车站接一个朋友。

«Я с удовольствием помог бы тебе, но...».

Выражение неготовности что-то делать в связи с отсутствием желания в результате уточнения:

- 6а. 他不愿意（不想）跟你去，我有什么办法呢？

- 6б. 我害怕，我不愿意（不想）一个人留在家。

«Я боюсь, я не желаю (не хочу) одна оставаться дома».

Заверение в готовности прийти на помощь, когда собеседник выражает благодарность:

7. 不客气，我很愿意帮助你。

«Не стоит благодарности, я это сделаю с большим удовольствием».

Экспрессивный способ выражения привязанности к человеку или к месту в ситуации расставания:

8. 我真不愿意(不想)离开你（我的孙子们、莫斯科、我们的学校）。

«Как мне не хочется расставаться с...».

ТЕСТ ПО МОДАЛЬНЫМ ГЛАГОЛАМ

1. Заполните пропуски модальными глаголами там, где это необходимо.

1. Я明天____去医院看王老师, 你____去不去?
2. 我问过丁云, 她不____一个人唱歌, 他们一会儿唱好吗?
3. 小张也去吗? - 小张很喜欢俄罗斯音乐, 我____他不____不去.
4. 你们都____看京剧吗? ____买几张票?
5. 火车早上十点开车, 你们____早点离开家.
6. 这次足球比赛他们一定____输.
7. 我不是不____跟你去城外, 明天有一个老朋友来看我.
8. 他学了十多年英语, 你____他____当翻译吗?
9. 明天星期天, 不____早起.
10. 妹妹睡了一个多小时了, ____起床了.
11. 你明天____不____早点来, 我有事____跟你讨论讨论.
12. 我不____喝咖啡, 昨天又睡得不好.
13. 星期三是奶奶的生日, 一定____去.
14. 我今天已经复习了三课, 明天____不复习.
15. 这句话不____这样说, 这样说不对.
16. 颐和园这地方真好, 你们____去看看.

2. Эксплицируйте модус следующих русских фраз посредством указания в скобках нужного китайского глагола.

1. Сейчас два часа, в четыре я (____) пойду в поликлинику на флюорографию.
2. Напиши разборчивее, он (____) поймет.
3. Сегодня легко (____) покончить с этой властью - нужно прийти на выборы и проголосовать за кого угодно, только не за нынешнего президента.
4. Эту песню мы учили в школе. Ты ее (____) знаешь.
5. Возможно, вы даже (____) заснете с чистой совестью...
6. Потому что следующая власть уже не (____) повторит этих ошибок и не (____) позволит вам «разочаровываться» и выбирать.

3. Переведите на китайский язык.

1. Нечего тебе идти. Если будет какое-нибудь дело, он тебе скажет.
2. Очень хочется, чтобы у меня был китайский друг.
3. Сестрица очень не хочет расставаться с матерью, поэтому такая грустная.
4. Ты согласен быть старостой группы (班长)? - Не согласен.
5. Он занимается китайской литературой и умеет переводить китайские стихи.
6. Не надо было тебе идти на футбол, смотри, ты опять схватил двойку!

4. Укажите в скобках альтернативные формы (там, где это возможно).

1. 我有些事想()跟你谈谈.
2. 要()等几天?
3. 可不可以()快一点, 他们在等我们呢.
4. 我很愿意()帮助你, 可是这几天我没有时间.
5. 你要()快点儿离开这里.
6. 我想()请她教我做中国饭, 不知道她愿意不愿意().
7. 我明天下午去找你, 可以()吗?
8. 不能()这样说, 这样说不行().
9. 要()下雨, 我知道, 你有雨衣吗?
10. 你不要()吸烟, 吸烟对身体不好.
11. 你有胃病, 不应该()吸烟.

ВНИМАНИЮ ИЗУЧАЮЩИХ И ПРЕПОДАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

ТАНЬ АОШУАН

К ВЫРАБОТКЕ АДЕКВАТНОГО ПОДХОДА К ГРАММАТИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА («ориентировка» для учащегося)

Китайский язык — это язык изолирующего строя. Это означает, что китайские слова как бы «оголены», они лишены словоформ. Многие из них могут выступать в функциях разных частей речи. Например, слово 书 «книга», «книги» передает общее значение «книжности», свойство «быть книгой». Оно не несет никаких сведений о роде, числе или падеже. Собственно, о слове shu как о существительном можно говорить только в предложении (высказывании), где оно приобретает предметность за счет отведенного ему места в синтаксической структуре. В речи слово 书 может присоединять к себе, например, числительное и служебную морфему — счетное слово. Такая именная группа уже способна выражать значение численности.

Слова, которые представляются глаголами, не изменяются по лицам, числам, родам, времени и видам. Встает вопрос: каким образом получить информацию о видовом значении сказуемого и его соотнесенности со временем?

Во-первых, в собственном значении глагола в значительной мере заложена информация о виде и времени. Например, ситуацию, обозначенную глаголами 睡觉 «спать» и 写 «писать (письмо)» можно представлять как процесс. А есть глаголы, которые фиксируют либоначальную, либо конечную точку действия (например, 走 «уйти» и 到 «прийти»). Есть глаголы, которые выражают моментальные действия: 摔 «упасть» (о человеке), и есть глаголы, которые описывают состояния: 疼 «испытывать боль». Первый и последний типы глаголов предполагают, что данная ситуация имеет место в момент речи (настоящее время). Для других типов глаголов обозначаемые ими ситуации соотносятся только с прошлым или будущим.

Действия, обозначаемые некоторыми глаголами, предусматривают результат. Например, глагол 写 «писать» предполагает, что соответствующий процесс может быть завершен. При необходимости выражения того, что начавшийся процесс достиг своего завершения, добавляется результативная морфема — глагол моментального действия 完 «кончить». Поскольку глаголы типа 走 «уйти» и 到 «прийти» уже содержат идею достижения предела, они не принимают результативных морфем, но сами могут выступать в качестве таковых. Наличие в составе глагольного сказуемого модальных глаголов, обозначающих волю, желание, долженствование, вероятность, указывает на то, что действие еще не реализовано (будущее время).

Во-вторых, в китайском языке имеются служебные слова, которые в определенных комбинациях с глаголами и другими составляющими выражают «недостающие» временные значения. Почти все служебные слова в китайском языке употребляются и как знаменательные слова. Выступая в служебной функции, они часто утрачивают свои первичные тональные характеристики.

Служебные морфемы, выступая в качестве грамматических показателей, как правило, выражают свыше одного привычного для нас грамматического значения, однако их различные функции обычно сводимы к одному толкованию. С другой стороны, служебные слова, выступающие как грамматические показатели, не являются обязательной принадлежностью слов, к которым они присоединяются. Они употребляются тогда, и только тогда, когда необходимо выразить какое-то грамматическое значение (т.е. когда иначе предложение будет непонятно).

Для понимания такого непривычного языкового механизма необходимо представление о говорящем и слушающем, об их временных и пространственных координатах, нужно научиться определять, как говорящий оценивает знания и состояние слушающего, содержание его долгосрочной и оперативной памяти. Фразы 我走了 «Я ухожу» и 他走了 «Он ушел» различаются только заменой 我 «я» на 他 «он», но они относятся к разному времени.

Чрезвычайно важно знать, упоминаются ли описываемые в предложении объект или ситуация впервые, или они уже были введены ранее. В первом случае временные и пространственные координаты должны быть предельно ясны для слушающего, поэтому имя и глагол получают соответствующее оформление. Если информация уже находится в памяти

слушающего, соответствующие слова оформления не получают. В предложении 王先生来了 «Г-н Ван пришел» показатель 了 выражает прошедшее время, а в предложении 王先生刚来 «Г-н Ван только что пришел» 了 не употребляется, поскольку о появлении г-на Вана уже известно, уточняется лишь время его прибытия. Слово 刚 «только что» выделяется логическим ударением как носитель новой информации.

Появление того или иного показателя объясняется исключительно необходимостью однозначности понимания высказывания. Таким образом, китайская знаковая система оказывается очень экономичной.

Такая языковая специфика налагает большие ограничения на синтаксические структуры. В предложениях с глагольным сказуемым, например, позиции составляющих по отношению к глаголу строго определены. В трехчленных конструкциях с переходным глаголом (V), подлежащим (S) и прямым дополнением (O) нейтральный, грамматически заданный порядок имеет вид S-V-O, как в русском языке.

Начальный компонент предложения обозначает нечто, известное слушающему. Это — тема. Остальная же часть предложения (рема) сообщает по поводу темы что-то новое. Такое членение предложения называется актуальным членением. «Темо-ремная» последовательность размещения информации в значительной мере универсальна. В предложении с обычной коммуникативной структурой подлежащее совпадает с темой, а группа сказуемого — с ремой.

В процессе речевого общения (или в тексте) в зависимости от знаний слушающего и намерений говорящего происходит перераспределение новизны и значимости информации по компонентам предложения. Для языков флективного строя, подобных русскому, у которых грамматические значения передаются словоформами, синтаксические составляющие относительно свободно переставляются. При смещении слова «я» во фразе «Я учу его китайскому языку» (我教他汉语) к концу предложения — «Китайскому языку его учу я» субъект действия (кто учит) и объект действия (кто обучается, кого учат) не меняются (правда, смысл предложения из-за сдвига ремы изменяется: в первом предложении сообщается о том, что он учит, а во втором — кто его учит). Для китайского языка подобная перестановка влечет за собой изменение содержания предложения: во фразе 他教我汉语 «Он учит меня китайскому языку» субъект действия уже другое лицо («он»). Это происходит потому, что место перед глаголом — это место субъекта действия, а порядок слов выполняет функцию русских падежей.

Из этого вовсе не следует, что китайский язык не способен выразить те «смысловые сдвиги», которые происходят в ходе коммуникации. Во-первых, для некоторых составляющих (например, неодушевленных объектов действия) перестановка допустима (модель O-S-V); сдвиги можно выражать и с помощью предлогов.

Во-вторых, имеются другие средства выражения актуального членения предложения, обусловленные различиями коммуникативных задач говорящих, синтаксические конструкции, частицы, акцентное выделение (интонация). Выделение субъекта действия, например, в приведенном китайском предложении осуществляется за счет связки 是: 是我教他汉语 «Это я учу его китайскому языку».

В сложном предложении, из-за нефиксированности порядка размещения придаточной и основной частей, в случаях, если логическая связь между частями достаточно прозрачна, союзы часто опускаются. Это особенно свойственно условно-следственным предложениям.

Определение в китайском языке всегда предшествует определяемому: пример — сочетание 晴天 «ясная погода». При постановке прилагательного в конце мы получаем предложение: 今天天晴 «Сегодня ясная погода», так как постпозиция — это позиция качественного сказуемого. Для русского языка порядок в данном случае не может служить критерием различения словосочетания и предложения.

Специфика китайского языка и особенности его грамматического строя требуют того, чтобы высказывания, вводимые в учебные материалы, воспринимались как речевые акты, выражающие определенные намерения говорящего, как звенья в цепи речевого общения. С этой точки зрения следует рассматривать и используемые в них языковые средства. Надо иметь в виду, что выбор синтаксической конструкции во многом зависит от характера речевого акта, от того, о чем идет речь: сообщении, уточнении, ответе, утверждении (отрицании), предположении, оценке, желании, упреке и т. д.

Например, если предложение «Г-н Ван придет» произносится как сообщение, необходимо употребить модальный глагол 要, свидетельствующий о знании говорящим намерений Вана, т.е. сказать 王先生要来了 «Г-н Ван собирается приехать». Если в ответе на вопрос, придет ли г-н Ван, употребить тот же глагол 要, это уже будет другим речевым актом — не ответом, а подтверждением («Он в самом деле придет»). При опровержении сообщения о приезде г-на Вана употребление уао также неуме-

стно, так как сведения о предполагаемом в будущем действии уже находятся в сознании слушающего. Поэтому достаточно сказать 他不来 «Он не придет».

Важно с самого начала входить в роль говорящего, вникать в смысл высказываний, не увлекаясь нахождением внешних соответствий между китайскими и русскими предложениями, учиться выбирать синтаксические конструкции, соответствующие коммуникативным задачам говорящего.

Китайский язык избавляет учащегося от спряжения и склонения, но требует особого внимания к коммуникативному аспекту, к семантике (значениям) слов; он также требует четкого понимания назначения каждой синтаксической конструкции. Для передачи смысла предложения также необходимо правильное смысловое выделение, которое выражается в звуковом аспекте. Поэтому правильность произношения — залог того, что произнесенное воспримется носителем языка как осмысленная речь.

КАК ЧИТАТЬ ЗАГОЛОВКИ В КИТАЙСКОЙ ПРЕССЕ?

Современному человеку больше всего нехватает времени. Объемы газет в условиях рынка растут, как на дрожжах. Чтобы узнать, что происходит в мире, мы все чаще прибегаем к газетной информации. Однако типологические особенности китайского языкового строя оставляют свои отпечатки в синтаксисе и лексическом оформлении текста заголовка. Требования лаконизма и симметричности структуры текста приводят к тому, что служебные слова сокращаются до минимума, а порядок слов может отходить от стандартного. Кроме того, лексика насыщается вняннизмами, часто даже просто идут цитаты из классики. Все это препятствует правильному прочтению и восприятию текста.

При «расшифровке» газетных заголовков нам обычно приходится решать следующие задачи: а) правильно расчленить текст заголовка; б) определить, имела или не имела место описываемая ситуация; в) решить, какое число подразумевается; г) определить роли участников (кто субъект действия, а кто объект действия и т. п.).

Под этой рубрикой мы будем помещать газетные заголовки, смысл которых, на первый взгляд, не очевиден, с тем, чтобы показать в комментариях к ним на что следует обращать внимание, чтобы правильно их прочесть.

1. 下海十年话甘苦 — 访全国政协委员葛子平

Процедура анализа

- а) Правильное членение: 下海 | 十年 | 话 | 甘苦 (в дальнейшем членение будет задаваться сразу).
- б) Лексические значения. 下海 — иносказательное выражение «заняться бизнесом», поскольку предполагает, что человек идет на риск (китайцы не были мореплавателями). Слово 话 употреблено не в именной функции, а как глагол. 甘 и 苦 обозначают «сладости» и «горести» в иносказательном смысле.
- в) Ситуация 下海 имела место. Об этом можно судить, во-первых, по жанру — в интервью обычно говорится о том, что уже совершилось, в противном случае мы находим такие служебные слова, как 将, 计划, 拟, 打算. Во-вторых, в качестве сказуемых заглавного предложения фигурируют слова, задающие оценки: 甘 — «хорошо» и 苦 — «плохо».

Оценки же можно выносить лишь тогда, когда действие уже имело место.

- г) В этом заголовке нестандартный порядок слов. В первом предложении опущено подлежащее — субъект действия, тот, кто «пустился в плавание», являющийся одновременно субъектом глагола речи 话. Это член Всекитайского Политического Консультативного Совета 葛子平, у которого корреспондент взял интервью.

Таким образом, этот заголовок следует читать 葛子平谈他下海十年来的甘与苦.

2. 为官 | 可 | 不知 | 耻 | 乎.

Этот заголовок фактически написан на вэньяне. Для понимания его структуры необходимо знать, что иероглиф 乎 представляет собой аналог вопросительной частицы байхуа 吗, при его наличии вопросительный знак избыточен. Слово 为 в функции глагола значит то же, что 作 — «быть», «служить». С модальным глаголом 可 «можно» предложение приобретает статус риторического вопроса «Разве можно не...». Другими словами, это суждение о том, чего нельзя делать: 做官不能不知耻 или 做官必须要知耻. Слово 耻 следует понимать как «стыд». Значит, мы имеем дело с риторическим вопросом: «Как могут должностные лица не иметь чувства стыда?»

3. 中国队不敌俄罗斯队.

Слово 队 позволяет догадаться, что речь идет о спортивном соревновании и, скорее всего, о его результате: кто кого победил? Однако вместо привычного глагола типа 胜, 赢 или 输, мы видим нестандартное 敌 «враг», которое в глагольном употреблении должно значить «выступить в качестве соперника», но наличие отрицания 不 предполагает невозможность оказать сопротивление. Здесь 不敌 значит 敌不过, т. е. 不能 战胜.

Хотя этот заголовок и можно перефразировать как 中国队输给俄罗斯队, с точки зрения китайской газеты просто проиграть или проиграть с боем — это не одно и то же. Обратите внимание на то, что если начинать сообщение с китайской команды, вне зависимости от того, какой иероглиф употреблен (т. е. будет это 中国队胜(赢)俄罗斯队 или 中国队败俄罗斯队), она все равно будет победительницей до тех пор, пока перед словом 败 не появится предлог 给. И только форма с 不敌 позволяет указать, что обозначенное перед ним проиграло обозначенному после него, причем сделало это с достоинством.

ЭТО ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ О КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ КИТАЯ

О.И.ЗАВЬЯЛОВА

ДИАЛЕКТЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Обширный и многонаселенный Китай с лингвистической точки зрения всегда был страной диалектов, жители которой зачастую не могли понять друг друга без переводчиков. И сейчас, несмотря на распространение современных средств связи, система устных языков остается в КНР весьма сложной. Многие китайцы по-прежнему говорят на разных диалектах в родной деревне и в своем же уездном городе или провинциальном центре. Молодежь овладевает новыми диалектными разновидностями при миграции, в армии, во время учебы. Национальный китайский язык до сих пор не используется во многих учреждениях и школах.

На протяжении последних полутора десятилетий неравномерность экономического развития Китая, вызвавшая обострение противоречий между приморскими и глубинными провинциями, вновь привлекла внимание к проблеме культурной и лингвистической неоднородности страны. Ставшие фактором ускоренного развития прибрежных районов специальные экономические зоны не случайно разместились там, где находятся важнейшие диалектные центры юго-восточного Китая — Гуанчжоу (Кантон), Сямынь (Амой), Шаньтоу (Сватоу), Шанхай. Эти города традиционно были не только средоточием торговли и транспорта, но и источниками эмиграции в страны Южных морей и на Тайвань. Влиятельные и богатые общины заморских китайцев, как правило, строились и строятся поныне по земляческому и диалектному принципу, а обычай захоронения на родовом кладбище в родной деревне привязывал далекие заморские сообщества к «малой родине». С началом проведения политики «открытости» в конце 70-х годов, заморские китайцы хуацяо приступили к инвестированию в экономику КНР значительных средств. В

качестве объекта инвестиций они выбирали родные провинции, уезды, города, используя связи с кровными родственниками. Земляческий и диалектный признаки, таким образом, превратились в своего рода экономический фактор — положительный для приморских провинций и отрицательный для провинций внутренних, либо исторически не связанных с процессом эмиграции.

В китайских и многих зарубежных лингвистических работах до сих пор принято противопоставлять, с одной стороны, так называемые северные диалекты, или гуаньхуа, которые на Западе называются мандаринскими, с другой, — все прочие диалекты, в совокупности именуемые южными. Это противопоставление основано прежде всего на том, что диалекты гуаньхуа, на которых говорят в районах к северу от реки Янцзы и в юго-западном Китае, охватывают большую часть территории и почти две трети (64,51%) населения страны (от тех, кто говорит на китайском языке в самом Китае носители диалектов гуаньхуа оставляют 67,75%). Эти же диалекты в целом лежат в основе национального языка путунхуа, создавая, как это обычно подчеркивается, основу для лингвистического единообразия Китая.

Географическое распространение всех прочих диалектов ограничено юго-востоком страны. Социально они считаются гораздо менее значимыми, чем северные, хотя, как правило, охватывают десятки миллионов человек и сопоставимы лингвистически, территориально и по числу носителей с отдельными европейскими языками. Так, на диалектах У, к которым относится шанхайский, говорит более 69 млн. чел., на диалектах Юэ с городом Гуанчжоу, — более 40 млн. чел, на диалектах Минь, в ареал которых входят города Фучжоу, Сямынь и Шаньтоу, а также острова Хайнань и Тайвань, — более 55 млн. чел. Кроме того, роль южных диалектов, прежде всего прибрежных, не может не возрастать в свете тех экономических и политических процессов, о которых шла речь выше.

Согласно классификации нового «Лингвистического атласа Китая», основанной прежде всего на фонетических признаках, в китайском языке существуют десять наиболее крупных диалектных разновидностей: диалекты гуаньхуа (они же северные, мандаринские), Цзинь, У, Хуэй (другое наименование — Ваньнань, южноаньхуэйские), Гань, Сян, Минь, Юэ, пинхуа и хакка. В западных работах подобные крупные диалектные разновидности обычно именуются «группами», поскольку в свою очередь могут делиться на более мелкие единицы.

К числу важнейших особенностей новой классификации следует отнести прежде всего следующие. Во-первых, как самостоятельная группа впервые рассматриваются незначительные по числу говорящих на них диалекты пинхуа. Во-вторых, отдельной группой считаются южноаньхуэйские диалекты, о своеобразии которых и раньше писали ученые-китаеведы. И, в третьих, что еще более существенно, от диалектов группы гуаньхуа отделены диалекты Цзинь (шаньсийские), охватывающие провинцию Шаньси вместе с рядом прилегающих к ней районов. Тем самым, впервые в китайском языкознании объявлено, что диалекты, расположенные к северу от Янцзы, не представляют собой единой группы, а географическая область, которая связана с формированием национального языка путунхуа, охватывает гораздо более ограниченную территорию, чем это считалось до последнего времени.

Один из важных критериев, который наряду с фонетическими признаками всегда учитывался при делении китайского языка на диалектные группы, — это возможность взаимопонимания: к одной группе относили только те диалекты, представители которых способны понимать друг друга без предварительной специальной подготовки. В некоторых случаях — когда отсутствуют иные надежные признаки — критерий взаимопонимания при всей его субъективности и сейчас оказывается решающим.

В китайском языкознании диалектные группы в соответствии со сложившейся традицией называются либо юй «язык», либо хуа «говор, язык» (гуаньхуа — «язык чиновников», пинхуа — «простой говор», кэцзяхуа — «говор этнической группы хакка»). Иногда говорят также «кэцзяюй» «язык хакка», но в общем термин «юй», как правило, присоединяется к топонимам — кратким наименованиям той провинции, где прежде всего распространены диалекты данной группы. Так, диалекты Цзинь охватывают прежде всего территорию современной провинции Шаньси и древнего царства Цзинь, диалекты У, Гань, Сян, Минь и Юэ условно названы соответственно по провинциям Цзянсу, Цзянси, Хунань, Фуцзянь и Гуандун; диалекты Хуэй получили свое название по историческому округу Хуэйчжоу, некогда существовавшему на юге провинции Аньхуэй (в некоторых работах они также именовались Ваньнань, или «южно-аньхуэйскими»).

Для упорядочения терминологии в новой китайской классификации введены также территориальные диалектные единицы: дащей

«макроареал» — цюй «ареал» — пянь «регион»- сяопянь «субрегион» — дьянь «пункт». Все перечисленные выше диалектные группы в общем рассматриваются как равноценные и соотносятся с «ареалами» (цюй). Исключение составляют только диалекты гуаньхуа и Минь, для которых иногда употребляется термин «макроареал» (дацюй). В этом случае традиционные подгруппы внутри гуаньхуа и группы внутри Минь равным образом соотносятся уже с просто ареалами — цюй. «Ареалы», в свою очередь, могут делиться на «регионы» и «субрегионы» (пянь и сяопянь), разграничение которых в значительной степени носит интуитивный, предварительный характер. Низовыми, иначе говоря, более неделимыми в этой географической иерархии являются уезды или приравненные к уезду административные единицы и города провинциального подчинения, которые всегда служили основными пунктами при обследовании диалектов в КНР. В тех случаях, когда внутри уезда все же проходит важная диалектная граница, это специально оговаривается в описаниях.

Распространение групп диалектов современного китайского языка может быть представлено следующим образом (см. карту 1). Отдельно (вне общей нумерации) рассматривается макроареал (дацюй) гуаньхуа (см. карту 2). Далее выделены следующие территории на уровне ареалов (цюй).

I.

Диалекты Цзинь. Охватывают почти всю провинцию Шаньси, распространяясь за ее пределами также на ряд прилегающих территорий: север провинции Шэньси, западные районы провинции Хэбэй, часть провинции Хэнань к северу от Хуанхэ (за исключением уезда Мэнсянь, относящегося к ареалу гуаньхуа) и ряда пунктов административного района Внутренняя Монголия. На территории Шаньси в ареал Цзинь не входят два ее окраинных участка: юго-западный (28 пунктов, относящихся к диалектам Чжунъюань внутри макроареала гуаньхуа) и северо-западный (уезд Гуанлин, входящий в хэбэйско-шаньдунский ареал гуаньхуа).

II.

Ареал диалектов У. Компактно охватывает территорию провинции Цзянсу к югу от Янцзы с городом Шанхаем и практически всю провинцию Чжэцзян. За пределами этих двух провинций диалекты У распространяются к юго-западу на несколько соседних пунктов провинции Цзянси и север уезда Пучэн в Фуцзяни. Кроме того, в

результате сравнительно поздних миграций диалекты У проникли на юг провинции Аньхуэй, где они сосуществуют с разнообразными другими диалектами. Граница между диалектами гуаньхуа и У вдоль Янцзы несколько раз переходит с одного берега на другой. На южном берегу к диалектам гуаньхуа относится, в частности, диалект такого крупного города как Нанкин. Небольшие территории на окраинах провинции Чжэцзян не входят в ареал У: на западе, в соответствии со старыми административными границами, несколько пунктов относятся к ареалу диалектов Хуэй, на юге входят в ареал диалектов Минь.

III.

Ареал диалектов Хуэй. Помимо одиннадцати пунктов в южной части провинции Аньхуэй этот ареал включает также исторически и географически связанные с ними небольшие примыкающие участки на территории провинций Цзянси и Чжэцзян.

IV.

Ареал диалектов Гань. Основная область распространения диалектов Гань — это центральная и северная часть провинции Цзянси с городом Наньчаном, иначе говоря район реки Ганьцзян в ее среднем и нижнем течении и реки Фухэ. Южная половина этой провинции занята диалектами хакка. За пределами Цзянси ареал диалектов Гань распространяется на прилегающие районы соседних провинций — Хубэй на северо-западе, Аньхуэй на северо-востоке, Хунань на западе и Фуцзянь (два уезда — Цзяньнин и Тайнин) на юго-западе. Островки диалектов Гань имеются также на юге провинции Аньхуэй. С севера и запада, в свою очередь, на территорию Цзянси вторгаются небольшие участки соседних диалектных ареалов — гуаньхуа (район Цзюцзяна), диалектов Хуэй (к северу от Цзиндэчжэня), диалектов У, которые к тому же перемежаются островками проникших с территории Фуцзяни диалектов Минь.

V.

Ареал диалектов Сян. Ограничен бассейном рек Сянцзян и Юаньцзян, а также частично реки Цышуй в провинции Хунань. Включает административный центр этой провинции Чанша. К диалектам Сян относятся также три уезда в верхнем течении реки Сянцзян и один уезд в верхнем течении реки Цышуй, административно входящие в Гуанси-Чжуанский

автономный район. С востока и юга на территории Хунани диалекты Сян охвачены диалектами гуаньхуа, на западе — диалектами Гань (или Гань — хакка).

VI.

Макроареал Минь. Область распространения диалектов Минь занимает большую часть провинции Фуцзянь (ее западная часть занята диалектами хакка) и тянется к югу вдоль морского побережья к району Чаочжоу — Шаньтоу (Сватоу) в Гуандуне. В результате морских миграций диалекты Минь проникли на Тайвань, на юг провинции Гуандун (полуостров Лэйчжоу) и охватывают значительную территорию острова Хайнань. Спорадически они встречаются на территории провинций Чжэцзян и Цзянси, в Гуанси-Чжуанском автономном районе, а также на юге Цзянсу и Аньхуэй. Общее число говорящих на диалектах Минь приблизительно 55 млн. чел.; значительная часть носителей этих диалектов проживает в Фуцзяни (22 млн.), на Тайване (14,5 млн.) и в Гуандуне (12 млн.).

Макроареал Минь в свою очередь делится на восемь ареалов.

1. Ареал Миньнань (южноминьские диалекты). Компактно охватывает южную часть провинции Фуцзянь с городом Сямынем и соседний район Чаочжоу — Шаньтоу в Гуандуне. К южноминьским относятся также диалекты Минь на Тайване.
2. Ареал Путянь — Сянью. Небольшая территория в Фуцзяни к северу от региона Миньнань, включающая город Путянь вместе с двумя относящимися к нему уездами — Путянь и Сянью.
3. Ареал Миньдун (восточноминьские диалекты). Занимает северо-восток провинции Фуцзянь с ее административным центром городом Фучжоу.
4. Ареал Миньбэй (североминьские диалекты). Расположен на севере провинции Фуцзянь, включает город Цзяньоу.
5. Ареал Миньчжун (центральноминьские диалекты). Представлен тремя пунктами в центральной части Фуцзяни в среднем течении реки Шаси.
6. Ареал, названный по уездам Цюншань и Вэньчан, иначе говоря, ареал диалектов Минь на Хайнане. Включает 14 пунктов о. Хайнань.
7. Ареал полуострова Лэйчжоу в Гуандуне, включает восемь пунктов.
8. Ареал, названный по уездам Шаоу и Цзянлэ на северо-западе провинции Фуцзянь (всего 4 или 6 пунктов в соответствии с разными источ-

никами). Диалекты этого ареала примыкают к провинции Цзянси и обнаруживает черты, характерные для группы Гань. Два соседних фуцзяньских уезда (Цзяньнин и Тайнин) относятся уже к ареалу Гань.

VII.

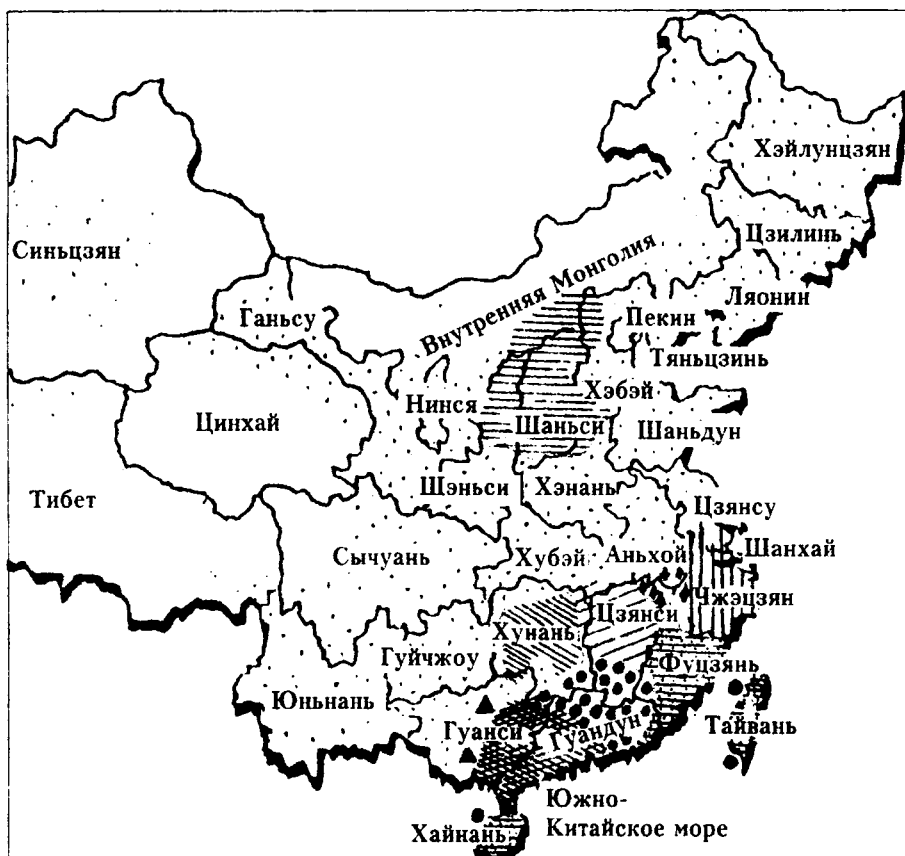
Ареал диалектов Юэ. Охватывает дельту Чжуцзян и западную часть провинции Гуандун, включая город Гуанчжоу. К северу и к востоку находятся диалекты хакка, в прибрежных районах есть территории, относящиеся к ареалу Минь. В результате сравнительно поздних переселений эпох Мин и Цин диалекты Юэ (кантонская их разновидность) распространились также на территорию Гуанси-Чжуанского автономного района, где они являются сейчас самыми распространенными из китайских диалектов.

VIII.

Ареал диалектов пинхуа. Ограничен Гуанси-Чжуанским автономным районом. Диалекты пинхуа здесь четвертые по числу носителей после Юэ, юго-западных диалектов гуаньхуа и хакка. Носители диалектов пинхуа считаются пришлыми и живут только в районе старого тракта, вдоль которого ныне проходит железная дорога на участке от Линчуаня на юг вплоть до Наньнина. Различия внутри диалектов пинхуа настолько велики, что представители этой группы иногда с трудом общаются друг с другом.

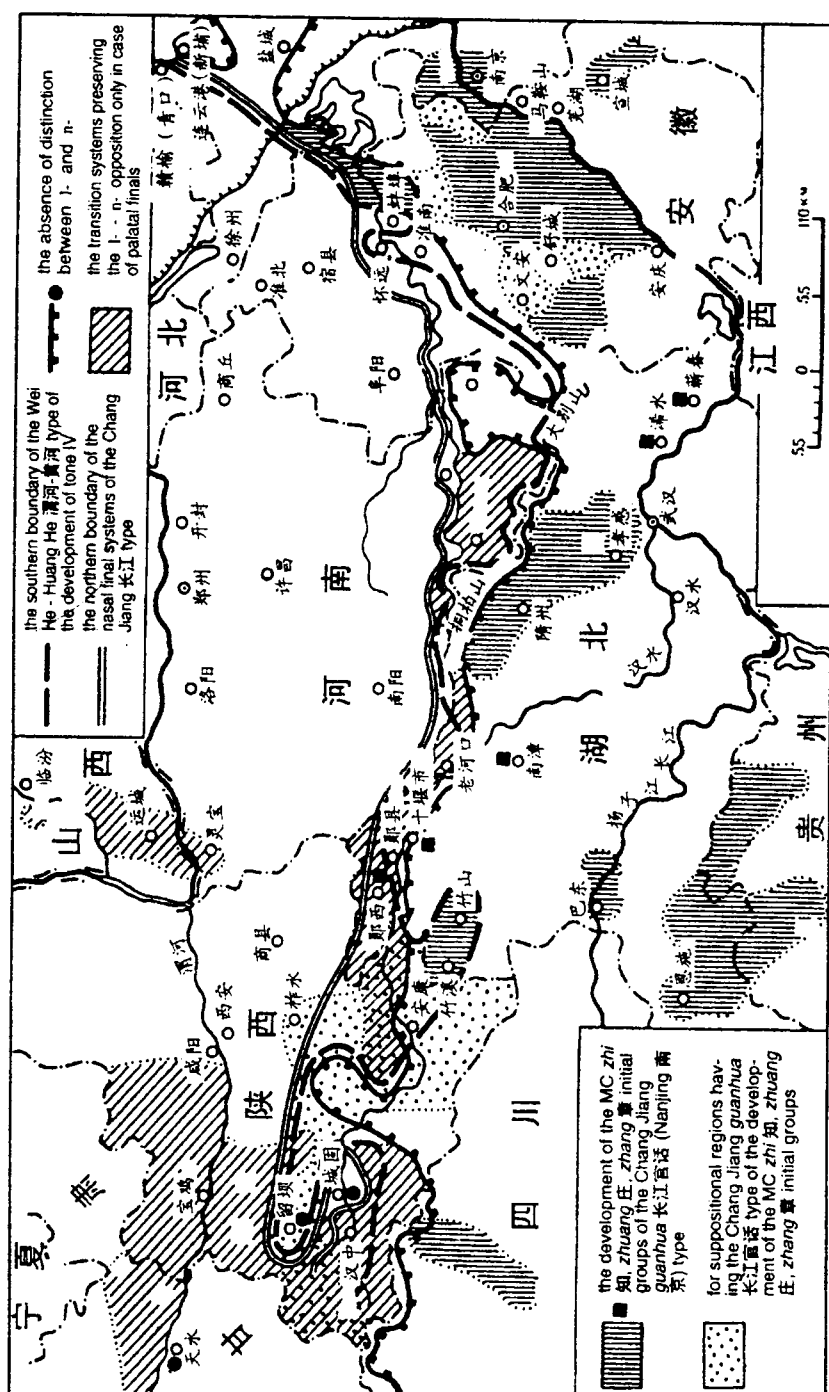
IX.

Ареал диалектов хакка. Область компактного распространения диалектов хакка охватывает центральную и восточную часть провинции Гуандун, далее на север — западную часть провинции Фуцзянь, не занятую диалектами Минь, а также южную часть провинции Цзянси. Территории, занятые диалектами хакка, имеются на Хайнане и на Тайване. В результате поздних миграций эти диалекты попали в Сычуань. Сравнительно компактно носители хакка проживают в Гуанси-Чжуанском автономном районе, где обычно владеют не только своим родным, но также и другими китайскими диалектами.

	гуаньхуа		Гань		пинхуа
	Цзинь		Сян		хакка
	У		Минь		
	Хуэй		Юэ		

Карта 1. Диалекты китайского языка

Карта 2. Граница между южным и северным диалектами Гуаньхуа (первые опубликована в журнале Computational analyses of Asian & African languages, 21, February, 1983).

СОВРЕМЕННЫЕ КИТАЙСКИЕ АВТОРЫ И ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Творческий портрет Су Туна

С середины 80-х годов в китайской литературе происходят интересные и важные перемены, которые затронули творчество едва ли не всех крупных китайских писателей разных поколений. Самым подходящим словом, которым можно было бы охарактеризовать смысл изменений в литературе этого времени, является «творческий поиск». Китайские писатели, как поэты, так и прозаики, активно ищут новые темы и сюжеты, новые художественные формы, пытаются в своих произведениях использовать новые художественные средства и художественный язык. Заметный крен в сторону политизированной тематики, видимый в литературе начала 80-х, т. е. обращенность в сторону критического осмысления недавней истории страны (например, литература «шрамов» или «обличительная проза»), не мог просуществовать слишком долго. Ему на смену должны были прийти новые темы и образы, иные формы художественного выражения и изображения действительности.

Несомненно, этому способствовало и широкое знакомство китайской литературной интеллигенции с зарубежной литературой и эстетической мыслью (шире — с философией, религиоведением, литературной критикой Запада), до этого плохо или мало знакомой литераторам Китая. Не случайно, современные китайские писатели и поэты в своих очерках и эссе о литературе часто упоминают Ницше и Фрейда, Джойса и Борхеса, Булгакова и Бродского, Бахтина и Шкловского и т. д., оказавших значительное влияние на их эстетическое мировоззрение. Своеобычное художественное видение мира у этих мыслителей и литераторов привлекает внимание китайских авторов и по-своему находит отражение в их творчестве. Картина китайской литературы становится несравненно более полихромной и многообразной, а взгляд самих авторов на мир и характер осмысления жизненных явлений — более углубленным.

Эта особенность художественного видения характерна для самых разных писателей — Ван Мэна, Мо Яня, Цзя Пинъао, Су Туна и др. Общей особенностью этих разных по стилю авторов является их стремление не просто показать внешнюю сторону событий, но проникнуть в их суть

через изображение внутреннего мира человека. Психологизация художественных образов создается у них как традиционными средствами, так и с помощью современных художественных методов («потока сознания», как у Ван Мэна, или символа-образов — у Мо Яня и Су Туна).

Симптоматично обращение многих авторов к истории (Су Тун), народным традициям и верованиям (Гао Синцзянь), в которой можно видеть стремление отыскать некие «культурные прообразы» или «психологические архетипы», способные объяснить духовный мир современного человека. Не случайно, что в последнее десятилетие важное место в литературном процессе приобрела литература «поисков корней» или так называемая «культурная проза» с ориентированностью на истоки национальной культуры и глубинные факторы человеческой жизни и человеческой психики. Представителями этого вида литературы можно считать многих известных писателей, к числу которых относится и Су Тун.

Су Тун — сравнительно молодой автор. Окончив в 1984 году Пекинский педагогический университет, он занимался журналистикой, был редактором нанкинского журнала «Чжуншань», рано вступил на стезю литературного творчества. Его первые рассказы «Воспоминание о тутовом саде», «Камни и поток воды» привлекли внимание читателей своеобразным видением человеческой жизни, истории и современности.

Су Туна привлекают воспоминания о прошлом, которые создают в его произведениях особую атмосферу смеси реальности и иллюзии. Как и у некоторых других современных авторов (Цзя Пинъао, Мо Янь), большую роль в его произведениях играют символика и иносказания. На воспоминаниях о прошлом основано его крупное произведение в стиле «поиска корней» — «Скитания в Тридцать четвертом». Этот роман (или крупная повесть) — своего рода «семейная хроника» (цзя пу), но хроника, которая воспринимается скорее как сфантазированная, а не подлинная история семьи.

В ней рассказывается о деде Чэнь Баояне — поначалу простом ремесленнике, а потом владельце лавки, который, покинув родную деревню, уезжает в город, где разбогатев, начинает вести беспутную жизнь. Его сын Гоуцзай (Щенок) едет в город к отцу и там влюбляется в наложницу родителя Хуаньцзы, которую дед вскоре отдает сыну в жены. Но Гоуцзай внезапно умирает, а женщина по настоянию деда отправляется в деревню, чтобы там родить. Однако бабка травит плод ядовитым зельем, а наложница в отместку убегает из дома, захватив малолетнего наследника

семьи, т.е. автора. Вскоре дед, глава рода, погибает от руки одного из своих подручных. Реальная, но полная художественного драматизма жизненная история Су Туна воспринимается читателем как захватывающий роман.

В 90-х годах Су Тун пишет еще одно крупное произведение «Наваждение» («Ми»), тоже своего рода историю жизни. Крестьянин У Лун, спасаясь от голода, уходит в чужие края, где проработав на разных работах, в том числе грузчиком, постепенно становится зажиточным лавочником и богачом. Жизнь ожесточила его, и со временем он превратился в сущее бедствие этих мест, таких людей в Китае называли «зба» — «злой деспот» (тиран). Кажется, что У Лун достиг всего, чего хотел: денег, власти, влияния, однако он не ощущает счастья. Он не видит вокруг себя близких людей, которые смогли бы понять, что творится у него на душе. К тому же он безнадежно болен. Сифилис, которым он заразился, приводит его к параличу. У него нет будущего. Остались лишь воспоминания о деревне, которую он когда-то покинул. Помня о прежнем голоде в родных местах, он отправляет туда две повозки риса, чтобы как-то загладить грехи и то зло, которое он принес людям. Финал изломанной драматической жизни этого, когда-то неплохого, человека не менее печален и драматичен.

Су Тун умеет заинтриговать читателя необычностью и некоей загадочностью человеческих судеб. Китайские критики отмечают в его произведениях таинственность и даже иррациональность, что вызывает у читателя особый интерес. Недаром произведения Су Туна нередко инсценируются — воплощаются в фильмы и даже целые сериалы. Так, еще в 1993 г. был инсценирован его роман «Наваждение». Для Су Туна важна в произведениях не столько внешняя цепь событий, пусть даже интересных и увлекательных, сколько раскрытие через них внутреннего состояния человека. Су Тун любит высветить «закоулки души». Отсюда необычность и загадочность жизненных явлений, которые углубляют психологизацию образов. Эта особенность проявляется и в его исторических произведениях.

Су Туна нередко называют представителем «нового исторического романа». «Новое» в его повествовательном творчестве состоит прежде всего в создании психологических портретов людей (реальных и вымышленных), действующих порой в довольно условных исторических рамках. Образцами таких исторических произведений могут служить два

романа, помещенных в собрании его сочинений под общим названием «В дальних покоях дворца» («Хоугун»). Один из них — «Императрица У Цзэтянь» — посвящен реальной исторической фигуре — танской государыне У-хоу, второй — «Моя царская судьбина» — рассказывает о судьбе вымышленного героя.

У Цзэтянь — одна из ярких и противоречивых личностей китайской истории, образ которой запечатлен во многих произведениях литературы. К примеру, она фигурирует в полуфантастическом романе XIX века Ли Жучжэня «Цветы в зеркале» или в драме Го Можо, где она выступает в качестве главного действующего лица. Су Тун пишет, что жизнь танской императрицы подобна фантастической истории чуаньци, тем самым давая понять, что и его роман — это тоже своего рода чуаньци. Ум и коварство, властолюбие и интриганство сплелись в один клубок в характере этой неординарной личности. Захват ею трона и царствование на протяжении десятилетий сами по себе были необычным явлением в истории Китая.

Су Тун, подчеркивая необычность этой исторической личности, в последних строках романа пишет: «На протяжении тысячи лет историю государыни У Чжао можно считать уникальной. Кто мог забыть эту владительницу? Кто был способен подражать императрице У Чжао?». Не удивительно, что эта историческая фигура всегда привлекала внимание как ученых-историков, так и литераторов. Су Тун — не историк, и его интересует прежде всего психологический образ женщины-правительницы: ее помыслы и переживания, которые воплощаются не только в коварные интриги и жестокие поступки, но и в добрые деяния. Автор показывает причины ее противоречивых действий, он не оправдывает и не осуждает ее, он старается объяснить «механизм» ее души, т. е. Раскрывает образ как психологический тип. Сложному характеру главного персонажа соответствует и напряженный сюжет романа, в основе которого лежит борьба за власть против многочисленных наследников престола вроде царевича Ли Чжи.

Второй роман «Моя царская судьбина», действие которого развивается в условных исторических рамках, не менее интересен и увлекателен. В нем рассказывается о принце Дуань Бае, ставшим, благодаря интригам своих бабки и матери, императором вопреки законам о престолонаследии. Приученный с детства к интригам, он превращается в тирана, которого все ненавидят. Но в конце концов он вынужден оставить трон и бежать из дворца, уступив царство законному владыке — сводному брату Дуань

Вэню. Отринутые всеми, кроме близкого ему евнуха, он становится простолюдином и монахом, скитается по стране, пытаясь уйти от возмездия. Тиран-изгой, он вспоминает свою жизнь во дворце, где он играл роль марионетки в руках опытных кукловодов и сам, как шекспировский Ричард, с удовольствием дергал за ниточки человеческих судеб. Его жизнь напоминает хождение по краю пропасти, поэтому не случайно он постоянно вспоминает циркачей-канатоходцев, которых он раз увидел в далеком детстве.

Рассказ ведется от первого лица, то есть от лица поверженного монарха, а теперь неприкаянного скитальца-монаха, вспоминающего эпизоды своей страшной жизни. Став иноком, он смотрит на свое прошлое отстраненно, как бы из затуманенного временем далека, не каясь и не переживая, но воспринимая это прошлое как некое зло, совершенное им в иной жизни. Согласно буддийским законам, грешник-монах должен осознать это прошлое как неизбежность Судьбы и только поняв это, он может добиться прозрения. Повествование от первого лица придает роману психологическую убедительность и жизненную достоверность, несмотря на вымышленность самого сюжета. Читателю кажется, что все это действительно происходило в истории.

Су Тун — писатель с хорошим творческим будущим. Созданное им к настоящему времени (пятитомное собрание сочинений) — это один из этапов его литературного пути.

КИТАЙСКАЯ МУДРОСТЬ

АФОРИЗМЫ КОНФУЦИЯ

Ниже приводятся избранные высказывания Конфуция, взятые из первых двух глав памятника «Луньюй» («Суждения и речения»), в основном содержащего «речи» Конфуция и его ближайших учеников. Предлагаемые переводы частично принадлежат В.В.Маявину (они взяты из книги «Афоризмы старого Китая». М., 1991), частично — А.М.Карапетьянцу, частично представляют собой переводы В.В.Маявина с изменениями, внесенными А.М.Карапетьянцем. Перед афоризмами через точку указаны номера глав и параграфов, на которые принято делить «Луньюй». Надеемся продолжить публикацию в следующем номере.

1.1. 学而时习之，不亦悦 (yuè) 乎?

有朋自远方来，不亦乐乎?

人不知，而不愠 (yùn)，不亦君子乎?

Учиться и, когда придет время, пускать усвоенное в ход — разве это не окрыляет! А приезд друга из далека — разве это не радость! А тот, кто, оставаясь в неизвестности, не таит обиду — разве не благородный муж!

1.3. 巧言令色，鲜 (xiǎn) 矣仁。

Искусные говоруны с убедительной внешностью так редко оказываются человечными!

1.4. 吾日三省 (xǐng) 吾身。为人谋而不忠乎? 与朋友交而不信乎? 传不习乎?

Я постоянно проверяю себя в трех отношениях. Нет ли чего, за что я не отвечаю в своих советах людям? Не безответствен ли я в общении с друзьями? И не учу ли я тому, что сам не пробовал? (Этот афоризм приписывается ученику Конфуция Цзэн-цзы).

1.16. 不患(huàn)人之不已之。患不知人也。

Не печалься, что другие тебя не знают. Печалься, что ты не знаешь других.

2.1. 为政以德, 譬如(pìrú)北辰(chén)居其所而众星共之。

Тот, кто правит добродетелью, подобен Полярной звезде. Она остается на месте, и все звезды по ней центрируются.

2.6. 父母唯其疾(jí)之忧(yōu)。

Почтительный сын огорчает отца и мать разве что своей болезнью.

2.11. 温故而知新, 可以为师矣。

Того, кто, напоминая старое, позволяет узнать новое, можно взять в учителя.

2.14. 君子周而不比, 小人比而不周。

Благородный муж живет в согласии со всеми, а низкий человек ищет себе подобных. (Это — перевод В. В. Малявина. Этот афоризм можно перевести иначе: «Благородный муж равно относится ко всем и ни к кому не испытывать особого пристрастия, ничтожный же человек может быть только пристрастным»).

2.15. 学而不思则罔(wǎng), 思而不学则殆(dài)。

Если учиться, не раздумывая, — запутаешься. Если же только думать и не учиться, будешь в опасности.

2.22. 人而无信, 不知其可也。大车无𨔵(yuè), 其何以行之哉。

Я не понимаю, как можно иметь дело с человеком, лишенным чувства ответственности. Разве можно пользоваться повозкой без хомута?

2.24. 非其鬼而祭(jì)之, 谄(chǎn)也。见义不为, 无勇也。

Воздавать почести чужому покойнику — лстивость. Бездействовать, когда должно что-то сделать, — отсутствие мужества.

КИТАЙСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

过客 吴晟(shèng)

美丽的蹄(tí)声，一批又一批
达达而来
踏(tà)遍小小的美丽岛上
每一个角落
并且潇洒自得地唱着
——我不是归人啊我是过客
蹄声过处，歌声过处
一阵一阵赞叹的掌声
狂(kuāng)风般卷起
簇拥着一阵一阵迷人的尘雾(chénwù)
弥漫小小的美丽岛上
而你竟也如醉如痴(chī)
忘了你是岛上的少年
竟也热烈地鼓起双掌
应和着达达的蹄声与歌声
拍出一心一意的向往
当你负(fù)笈远赴(fù)异(yì)邦(bāng)
飘泊多年之后，踯躅回岛上
我以满怀欣喜
迎接你的归来
而你竟也忘了
这是我们自己的土地
并且迷茫(mímáng)地唱着
——我不是归人啊我是过客
美丽的蹄声
一批又一批，达达而去
你也达达而去
我不禁深深疑惑(yíhuò)

什么时候，到了什么地方
你们才是归人
才不再是过客

(台湾新观念杂志 1998 年八月号)

小词典

潇洒 xiāosǎ (神情举止)自然大方，不呆板，不拘束

簇拥 cùyōng (许多人)紧紧围着

弥漫 mímán (烟尘、雾气、水等)充满；布满：烟雾弥漫

笈 jí 〈书〉书箱：负笈从师

飘泊 (漂泊) piāobó 比喻职业生活不固定，东奔西走：漂泊异乡

НЕМНОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

中国历史简介(一)

谭傲霜撰写

学中国历史的人最感到伤脑筋 [nǎojīn] 的是，朝代太多。朝代的名称和先后次序 [xù] 不容易记。历史人物和历史事件更不知道有多少。什么人在什么时候，做了什么事，或者什么时代因为什么发生了什么事，常常会弄得糊里糊涂 [hútu]。结果，虽然学了好几年，脑子里还是一笔糊涂账 [zhàng]。其实，学中国历史只要懂得一些窍 [qiào] 门儿（能解决困难问题的好方法：开动脑筋找窍门），抓 [zhuā] 住几个关键问题，就能整理出一个系统 [xìtǒng]（按一定的关系组成的整体）来，一目了然 [liǎo] 然（一眼就能看清楚）。这样，学的时候不但不会感到困难，而且还越学越有兴趣 [qū]。

以下我们根据中国历史书上惯用的术语和叙述 [xùshù] 历史的传统方法，把中国历史整理出一个大纲 [gāng] 来，并不对历史的发展做出任何评价 [píngjià]。

一。兴盛 [xīngshèng] 衰亡 [shuāiwáng] 和改朝换代

古时候，根据中国人的观念，国家的君 [jūn] 主天子是奉 [fèng] 行（接受）天命管理天下的。第一位君主建立自己的王朝以后，父传子，子传孙，把王位一代代相传下来。

自然界的一切都有兴盛衰亡这几个过程 [chéng]，国家也是一样。一个国家在它兴盛的时候，它的君主一般来说是个有作为的君主。到了它衰亡的时候，不是昏 [hūn] 君就是暴 [bào] 君。那时候，就会有一个贤 [xián]（有才能的）明能干的人出来革掉那个昏君或者暴君的命，代替他做天子，建立新的王朝，统治天下。历史上的改朝换代，不过就是这样。

二。父子相传和理想的禅 [shàn] 让制社会

任 [rèn] 用贤者这个思想反映了中国人对理想社会的观念，就是传说里的禅让制社会。

传说，在远古的时代，贤明的君主到了年老的时候，并不把帝 [dì] 位传给自己的儿子，而把它让给帮助自己管理国事的另一个贤明的人。比如

说，尧 [Yáo] 曾经让位给舜 [Shùn]，舜让位给禹 [Yǔ]。这种制度叫禅让制度。后来禹把王位传给儿子启 [Qǐ]，建立了夏朝。从此以后，帝位就父子相传了，这是世袭 [xí] 制的开始。中国人最早称华夏人，华夏这个词儿就是那个时候来的。

三代：夏、商、周 [Zhōu]

中国最早的三个朝代是夏、商、周，也叫三代。这三代在许多方面还带着原始社会的特点。相传夏朝亡在桀 [Jiě] 手里，商朝亡在纣 [Zhòu] 手里，这两个人都是古时候的暴君。起来革他们的命的是商汤 [Tāng] 和周武 [wǔ] 王。商汤建立了商朝，武王建立了周朝。汤和武王都是贤君。武王用了一个贤明的丞相 [chéngxiàng] 叫周公帮助他治理国家。他们建立和巩固了周王朝。

从考古学家出土文物中，我们知道，中国有文字不早于商代，所以商以前的历史究竟可靠 [kào] 不可靠，到目前为止，还没有办法考证。

西周

三代中的周本来是黄河流域 [yù] 中部的一个部族。后来它渐 [jiàn] 渐强大起来，打败了纣，统治了天下。建都在中国西北部的镐 [Hào]（就是较晚的长安，陕 [shǎn] 西省西安市）。后来因为有外族侵犯 [qīnfān]，周朝把首都迁移 [qiānyí] 到东部的洛 [Luò] 邑 [yì]（就是较晚的洛阳，河南省洛阳市）。迁都以前叫西周，迁都以后叫东周。

怎样记住中国的省名

谭傲霜撰写

中国的行政区划从元朝以来，实际上一直是以省[shěng]为主要单位。现在，如果把台湾[wān]算在内，全国一共有二十三省。

省的名称有别称。各省的称法一般来说，或者是和它的地理有关系，或者是从省内旧的行政单位或现有的地名得来的。中国的版图是在历史上渐渐形成的，各省所在的地区，如果是古时候某一个诸侯[zhūhóu]国家，那么它的别称就根据古时的国名。有时候也根据山名、河名、湖名或者借用全名的第一字。

一个研究中国文化的人，不但应该知道各省的全名，也必须知道它的别称。为了帮助大家记住中国的省名，我们先简单地说一说中国地理在地势上的一些特点，这样就能使大家联想到许多省名的来源，使大家对中国的行政区划有一个大致的概念。

从高俯[fǔ，从高往下]视中国大地，地势象三级阶梯从西到东渐渐下降。西部、北部、西南部是山地和高原，也有盆[pén]地。东部和东南部面临着海洋，大部分是平原和丘陵[qiūlíng]。因为地势上的这些特点，河流的方向差不多都是从西向东，流到海里。长江和黄河是全国最大的河流。黄河在中国北部，是古代文化的发源地。长江在中部。长江以南，是习惯上说的南方（也叫江南），长江以北是北方。南方和北方的区别，造成了中国人在体格、面貌、方言、风俗习惯和心理上比较显著的区别。

中国有许多省名是从山脉[mài]、河流或者湖泊[pō]得名的。

河南和河北在黄河的南北方向，这两省的名称是从黄河得来的。中国北方有一座太行[háng]山，山以东的省叫山东，以西的省叫山西。东北的黑龙江省是因为中俄接界的地方有一条河叫黑龙江（俄文叫阿穆[mù]尔河）所以得名。河北省西北的辽[liào]宁省境内有条辽河，这个省也是过去辽族（女真族）居住的地方。「宁」是平安的意思，「辽宁」可能意味着「辽族已被平定」。河南南面、长江中流地带有一个大湖叫洞庭湖[dòngtíng]。湖以南的省叫湖南，湖以北的省叫湖北。湖南省东面的江西省，唐[tāng]朝的时候是江南的西道，所以叫江西。再往东就是浙[zhè]江省，这个省境内有条大河叫钱塘[tāng]江，浙江是钱塘江的别称。中国古代修建的运河就是要把黄河、长江和这条浙江连接起来，使南北的水路相通。湖北以西的四川[chuān]省有四条大河（「川」就是河的意思），所以得到四川的名称。四川南面的云南省和贵州省，一个是在云岭[lǐng]南面叫云南，一个是因为北部有个贵山叫贵州。四川省西北的青海省，是根据境内的青海湖命名的。

以上各省的别称从古时候的国家得名的有河北一燕[Yān]（北京曾经叫燕京），山东一鲁[Lǔ]（孔子是鲁国人），山西一晋[Jìn]，湖北一楚（湖北又称「鄂」[è]，因为曾经是楚鄂王的封地），四川一蜀[Shǔ]，前四个是春秋战国的国

名，蜀是三国时的蜀国。海南省的简称«琼» [Qióng] 是从旧府琼州得名的。

省的简称因为境内某一条河，某一个湖而得名的有湖南—湘 [Xiāng] (湘江)，江西—赣 [Gàn] (赣江)，云南—滇 [Diān] (滇池 [chí] 是湖名)，贵州—黔 [Qián] (黔江)。从古时的地名得名的有河南—豫 [Yù] (古豫州地)，河北别称也叫冀 [Jì] (古冀州地)。从全名的第一个字得名的有浙江—浙，黑龙江—黑，辽宁—辽 (也是古国名)。

还有一些省名是从古代的行政单位或者现在的地名来的。比如说山东省南面的江苏省，省内过去有江宁和苏州两府，所以叫江苏。其他象江苏以南的安徽 [huī] 省，福建南部的广东省，山西和河南西部的陕 [shǎn] 西省，陕西西部的甘肃 [Gānsù] 省，黑龙江南面、辽宁北面的吉 [jí] 林省，都是这样得名的。

陕西省又称秦 [Qín]，安徽省又称皖 [wǎn]，也是古代的国名。广东省又称粤 [Yuè]，因为它是古时百粤族居住的地方。福建省又称«闽» [Mǐn] (闽江流过省内)，甘肃省又称«陇» [Lǒng] (东面有陇山)。吉林简称«吉»，青海简称«青»，台湾简称«台»，都是取全称的第一个字。

除了以上二十三省以外，中国还有几个大的民族区：内蒙 [mēng] 古自治区 (蒙)，宁夏回族自治区 (宁)，新疆维吾尔自治区 (新)，广西壮族自治区 (桂 [Guì]) 和西藏 (zàng) 自治区 (藏)。

中国现在实行的是省、县、乡三级建制。除了自治区，还有四个直辖 [xiá] 市：北京 (京)，上海 (沪 [Hù])，天津 [jīn] (津)，重庆 [Chóngqìng] (渝 [Yú])。

此外设有两个特别行政区：香港 [Xiānggǎng] (港) 和将于 1999 年 12 月回归的澳 [ào] 门 (澳)。

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА

ТАНЬ АОШУАН

ЧЕТВЕРО БЛАГОРОДНЫХ В КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ ZHONGGUO CHUANTONG HUA ZHONG DE SI JUNZI 中国传统画中的四君子

Китайцы — большие эстеты. В их видении мира красота природы неотделима от внутренней красоты человека. В образах цветов они видят то благородство и ту душевную высоту, к которой должен стремиться человек. В известном философском трактате Луньюй, связанном с именем Конфуция, обрисован этический образ человека, которого можно назвать 君子 — благородным мужем.

Благородному не из-за чего суетиться (君子无所争), ему нечего терять, кроме 仁 — любви к себе подобным и 义 — «справедливости». Он не озабочен мелочами жизни, не дорожит своим благополучием; 君子不忧 (yōu),不惧 (jù). Для него превыше всего справедливость (君子以义为利). Благородный наслаждается душевным покоем: 君子坦(tǎn)荡(dàng)荡 (舒、泰(tài)、安适). Именно поэтому благородный обладает, пребывая в гармонии со всем сущим, не лишается индивидуальности 君子和而不同 — букв. «гармонируя, не уподобляется».

Многие поэты и художники традиционного Китая (а эти дарования часто совмещались в одном лице — например, поэт и художника Ван Вэя) находили в некоторых растениях, ставших их любимцами, те душевные качества, которые им были особенно ценны. Они не только дарили этим багородным созданиям природы самые лестные похвалы. Те или иные из «благородных среди цветов» часто проявляют облик самого поэта.

Четверо благородных — это lán (兰) «орхидея», jú (菊) «хризантема», méi (梅) «слива-мэйхуа» и zhú (竹) «бамбук». Эти представители растительного мира приобрели благородство не без помощи пера великих мастеров китайской культуры.

Об орхидеях и хризантемах писал еще Цюй Юань (340–278) в одной из своих «Девяти песен»: 春兰兮(xī)秋菊, 长无绝兮. Ханьский император У-ди (царствовал с 140 по 86 г. до н.э.) в своей «Оде осеннему ветру» 秋风辞 писал: 兰有香兮, 菊有芳 «У орхидеи изящество (совершенство), у хризантемы — аромат [добродетели]».

Орхидею любят за тихий, сдержанный аромат 幽(yōu)香, за строение листа и за то, что она далека от «мирской пыли» 红尘(chén). Она растет «глубоко в рощах» (深林) или «в пустых горах» (空山). Про орхидею сказано: 纯是君子, 绝无小人 «Это — чистое благородство, нет в ней ни грана ничтожества».

Хризантема вдохновляла не одно поколение поэтов. Образ этого цветка у восточной ограды сада создал великий поэт Тао Юаньмин в знаменитой серии стихов 饮酒 «За вином»:

采(cǎi)菊东篱(lí)下,
悠(yōu)然见南山)

«Хризантему сорвал
под восточной оградой в саду,
И мой взор в вышине
встретил склоны Южной горы»
(Перевод Л.З.Эйдлина.)

В момент создания этих строк прошло уже 12 лет после того, как поэт окончательно оставил службу и вернулся в родную деревню, чтобы жить там отшельником. В этих строках уже не слышны восторженные, жизне-радостные ноты знаменитой оды 归去来兮辞. Осенью, после бокала вина образ хризантемы, с чистотой и стойкостью духа которой сливается поэт, перекликается с образом Южных гор — обители небожителей. Они как бы поддерживают поэта в его пути к цели, к которой он стремился всю жизнь, подвергая себя бедности и лишениям.

Величайшая поэтесса Китая Ли Цинчжао, угнетенная тоской разлуки, неоднократно обращалась к образу Восточной ограды, ставшему поэтической аллегорией. Вот последняя строфа знаме-

нитого романа 醉花阴:

东篱把酒黄昏(hūn)後
有暗(an)香盈(yíng)袖(xiù)
莫道不消(xiāo)魂(hún)
帘(lián)卷(juǎn)西风
人比黄花瘦.

«Припомнилось мне, в тихий час заката
Мы за плетнем восточным пьем вино...
Еще поныне в рукавах халата
Таится запах сорванных когда-то
Цветов, которых нет уже давно.
Какой измерить мерою страданье!
А ветер западный рвет шторы на окне...
Ты желтой хризантемы увяданье
Увидеть мог бы, заглянув ко мне».

(Перевод М.Басманова.)

Хризантема чарует и светлым благоуханием qīng xiāng (清香), и своим холодным ароматом, прикоснувшись к осенней реке: 冷香著(zhù)秋水 (стихи Ван Цзяня, 767–830). Она привлекает своим великолепием среди тоскливых красок осени. В своем желтом наряде она подобна слитку чистого золота: 华黄如沓(tà)金). А лепестки белых хризантем сравниваются с серебром, усыпавшим небо: 白花如散银 (стих поэта 4 в. Ян Фана).

Хризантему ценят за гордость, стойкость. Она погибает, оставаясь на засохшем стебле, не в пример желтым листьям, пляшущим на осеннем ветру: 宁(níng)可抱(bào)香枝(zhī)上老, 不随黄叶舞秋风 (стих поэта Сунской эпохи Чжу Шучжэня).

Гордая перед инеем, она незримо присутствует и в моем имени, намекающем на строки Су Дунпо (1037–1101): 荷(hé)尽(jìn)已无擎(qíng)雨盖(gài), 菊残(cán)犹(yóu)有傲(ào)霜(shuāng)枝 «Лотосы увяли, нет больше тянущихся к дождю коробочек, хризантемы поблекли, но есть еще гордые перед инеем стебли».

Хризантема не толпится среди цветов, она ждет своего часа, расцветая тогда, когда других цветов уже нет, в гордом одиночестве. Поклонники хризантемы называют ее «возвышенный человек» 高人.

Слива мэйхуа считается национальным цветком китайцев, и потому, что Китай — единственная на свете страна, в которой он растет, и за то эстетическое наслаждение, которое она дарит людям.

Ранней весной цветы мэйхуа покрывают причудливые, безлистные, корявые ветви, выступая цветными пятнами на белом снегу. Среди безмолвия и холода, своим румянцем они возвещают наступление весны. Сколько поэтов было очаровано ее прекрасным образом, возвышающимся над холодным миром. Это чудо природы создало чудеса линий, форм и красок, привлекающие эстетов всего мира. Не зря говорится: 梅以韵(yùn)胜, 以格(gé)高 «Мэйхуа покоряет грациозностью ритма, высоким стилем».

Среди деревьев лишь один бамбук удостоился чести быть объявленным благородным. Его стройные, стремящиеся ввысь стволы и ажурные листья отбрасывают волшебные тени в лунную ночь. А ветер доносит шелест его листы как нежный шепот возлюбленного.

Бамбук не теряет своего зеленого наряда ни осенью, ни зимой. Лучше, чем словом 萧洒 «держаться свободно и с изяществом», нельзя описать его чарующую внешность. Его любят за многие добродетели. За прямоту и наличие коленец 有节 (обозначение колена ассоциируется с обозначением чести 节气. За скромность — опустошенное сердце 虚(xū)心, поскольку у него полая сердцевина.

Эта та пустота, которую согласно «Дао дэ цзину» совершенномудрые воспитывают в людях 虚其心而实(shí)其腹(fù). Как писал великий поэт Оуян Сю 虚心高自擢(zhuō), 劲(jìn)节晚逾(yú)瘦 («Скромн, но тянется ввысь; тверд духом и с годами все стройнее»).

А поэт Лю Юйси восхитилась внутренняя твердость бамбука при внешней мягкости и изяществе; в своем стихотворении 庭竹 он написал: 依(yī)依似(sì)君子, 无地不相宜(yí) («Гибкий, как благородный муж; где бы он ни был, ему всегда рады»).

Бамбук не только обогащает духовную жизнь человека, он полезен людям во всех отношениях — от побегов, которые идут в пищу, до стволов, которые являются прекрасным материалом для строительства и изготовления шестов и плетеных изделий. Так он целиком отдает себя людям.

Поэтому не случайно, что 兰 菊 梅 竹 стали самыми любимыми мотивами традиционной китайской живописи жанра «цветы и птицы». Они фигурируют во всех трактатах о живописи, во всех прорисях для обучения художников, работающих в стилях 写意 и 工笔. В образах 四君子 переплетаются в единстве поэзия и живопись: 诗中有画, 画中有诗.

СПЕЦИФИКА ПРИЗНАКА ПОЛА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Языковое сознание обуславливает картину мира носителя языка, которая в свою очередь порождает определенный тип мышления, в том числе и взгляд на человека. Это особенно очевидно для китайской письменной культуры.

По-китайски культура называется wen hua (文化) — буквально «знаковое (знак мыслится как иероглиф, орнамент, текст) преобразование (или трансформация)». Цивилизация в таком контексте понимается как письменная культура. Свойства знаков определяют общий характер цивилизации, а их набор — ее особенности.

Все более очевидно, что основная единица китайского языка, по крайней мере классического (литературного), — словознак, совпадающий с буквой и звуком. Это соответствует традиционному взгляду о наличии у иероглифа трех аспектов (материализаций) — формы, звучания и смысла. Правда, слово здесь несколько «недоделанное», поэтому иероглиф скорее не словознак, а корнезнак, не соотнесенный с определенной частью речи, не говоря уже о роде, числе, падеже, лице, времени и т. п. Такое слово обозначает скорее состояние или действие, чем предмет; особенно это касается иероглифов, соотносимых с абстрактными категориями. Звук здесь — сверхзвук (слогофонема, поскольку иероглиф еще и слогознак), также как и буква — сверхбуква. Эти три аспекта китайского знака взаимосвязаны: звучание осмысливается (ср. традиционне «звуковое комментирование» — объяснение понятий через сходно звучащие), а звучания и значения имеют графические соответствия — детерминативы и фонетики иероглифов.

В частности, центральное для китайской научной (конфуцианской) традиции понятие 仁, обычно сближаемое с концепцией гуманности, трактуется как равнодушие («не проходите мимо!») к страданию или несправедливости 不仁(不 — отрицание), или как «человечность» (人). В последнем случае иероглиф «человек» в глагольной трактовке дает значения «вести себя, относиться к людям по-человечески».

Широта значения базового знака китайского языка как словокорня позволяет в разных контекстах (сферах) трактовать его в разных значениях, при этом письменная манифестация знака wen остается

первичной, инвариантной. Это демонстрирует следующее китайское недоразумение.

В 12-й главе трактата 3 в. до н. э. «Хань Фэй-цзы», где в основном собраны притчи, содержится следующая история. Переписывали текст для заказчика. Один человек читал его вслух, другой записывал. По ходу чтения чтецу нехватило света и он сказал слуге: «Подними свечу!», что и попало в текст. Заказчик растолковал все подряд: «поднимать свечу» — это «возвышать свет», а «возвышать свет» — это «выдвигать достойных». Все это было сообщено правителю, которому данное замечание показалось очень уместным и глубоким. Притчу заключает мораль Хань Фэй-цзы: «это не смысл текста, но современная наука во многом такова». А современная Хань Фэй-цзы наука была во многом такова не только по недоразумению (исполнению), а потому, что таков был и язык (компетенция).

Действительно, в приведенной истории просматривается прежде всего лингвистический смысл. Она проистекает из синонимии и возможности мысленной замены знаков, обозначающих подъем, и многозначности слова *míng*: «свет(оч)» — «знание-свет» — «мудрость». Кроме того, она была бы невозможна, если бы не существовала политическая концепция под названием «возвышение достойных и употребления на службе способных» 举贤使能. Главное звено в построении столь далеко ушедшей цепочки — приведение выражения к стандартному виду *shàng míng* (上) «верх» + (明) «свет». Подобное выражение можно трактовать и «общефилософски» («возвышать свет»), и буквально («перемещать источник света вверх»), и переносно в общественно-политическом плане («выдвигать светлые [личности]»).

Разумеется, это нарочитый пример лжетолкования, притягивания за уши. Но легкость его демонстрирует возможность осмысления практически любой последовательности иероглифов, причем даже в некотором заданном смысле (в данном случае — в русле политической философии). Истолкование — это нахождение соответствий в структуре действительности; в данном случае — на осях базовых противопоставлений «верх/низ» и «свет/тьма». Эти оси изоморфны оси «женское — мужское» («инь-ян»)

Выражения, задающие основные оси (положительное и отрицательное значение для каждой), это основные культурно-философские категории. Но они же — основные китайские слова в обычном, бытовом понимании

(совпадение бытовой и философской лексики специально обосновывалось А.И.Кобзевым, см. «Народы Азии и Африки», 1982, № 1 и 1983, № 3).

Совокупность этих главных слов (категорий, иероглифов) и есть базовый словарь китайского языка и культуры, в то же время ее свертка, инвариант.

Одна из редких попыток совмещения «житейского» и философского в европейской культуре — это философский роман 18 в (прежде всего немецкий), классический образец которого — «Вильгельм Мейстер» Гете. Этот роман во многом сродни китайскому классическому роману типа синхронного «Вильгельму Мейстеру» «Сна в красном тереме», который можно тоже считать «путешествием» идей (символов) в пространстве и времени. Одним из главных таких символов у Гете выступает таинственная девочка Миньона, названная другим героем романа военным интеллектуалом Ярно «придурковатым двуполым созданием» (творчески-театральному Вильгельму противостоят торгаши и военные, и здесь вряд ли случайна антитеза военного и гражданского; последнее в Китае обозначалось все тем же иероглифом 文).

Миньона в романе Гете — посредник с миром идеального, которому принадлежит часть ее. В этот мир ее тянет Sehnsucht — специфически немецкое понятие, обозначающее интенсивное стремление. Это — не то страсть, не то тоска, стремление к воссоединению разделенного; последнее на житейском уровне представлено прежде всего разъединением-противопоставлением полов.

Предназначение Миньоны раскрывается в ее песнях, которые почти каждый крупный немецкий (да и не немецкий, можно вспомнить хотя бы Мусоргского и Листа) композитор, начиная с Бетховена, считал своим долгом класть на музыку. Песни эти — своего рода символическая экспликация философского подтекста романа (таковы же и многие стихи «Сна в красном тереме»). Особо значима заключительная песня Миньоны. Первые три из ее четырех строф в переводе Б.Пастернака выглядят так:

«Я покрасуюсь в платье белом,
Покамест сроки не пришли,
Покамест я к другим пределам
Под землю не ушла с земли.

Свою недолгую отсрочку
Я там спокойно пролежу
И сброшу эту оболочку,
Венок и пояс развяжу.

И, встав, глазами мир окину,
Где силам небо все равно,
Ты женщина или мужчина,
Но тело все просветлено».

Прежде всего из-за специфики категориального набора немецкой культуры этот блестящий перевод местами непосредственно не соотносится с оригиналом. Так, первая строка Гете:

So lasst mich scheinen bis ich werde

соответствует у Пастернака второй строке

«Покамест сроки не пришли»,

но ее пословно-дословный вид —

«Так дайте мне казаться пока я [не] стану»

(вторая строка оригинала — «Не снимайте с меня белых одежд»).

Здесь фигурируют важнейшие понятия бытия и становления. Миньона в платье ангелочка кажется небесным существом (которого она играет), и она (а здесь мне уже, как и ей самой, не хочется говорить «она») надеется не казаться, а быть. Замечу, что игра понятиями бытия и становления достаточно чужда китайской культуре. Понятие «бытие» вообще невыразимо средствами китайского языка, а соответствие полноценного словознака в общем случае состоянию (действию), а не предмету, в значительной мере снимает противопоставление бытия и становления.

Особенно важна и для понимания замысла Гете, и для лингво-культурного сопоставления третья строфа:

Und jene himmlischen Gestalten,
sie fragen nicht nach Mann und Weib,
und keine Kleider, keine Falten
umgeben den verklaerten Leib,

которая пословно выглядит так:

«А те небесные образы,
они не спрашивают, мужчина ты или женщина,
и никакие одежды, никакие складки
не окружают просветленное тело».

Здесь мы сталкиваемся с еще одним, непосредственно связанным с Sehnsucht'ом специфически немецким понятием Verklaerung «Просветле-

ние». Оно весьма важно для немецкой культуры (достаточно напомнить «Смерть и просветление» Р.Штраусса и «Просветленную ночь» А.Шенберга), но лишь отдаленно напоминает русское «преображение» и не имеет китайских аналогов.

Но в этом ключевом для любой развитой культуры контексте (ведь находились философы, связывавшие появление цивилизации не с письмом, а со штанами) выявляется то же понятие 文, ибо слово 文 может обозначать морщины, складки. В то же время, согласно научной традиции 4–3 вв. до н.э., идея «подвешивание одежды», обеспечившей порядок в Поднебесной, была навеяна базовыми символами «Книги Перемен» — мужской гексаграммой цян и женской гексаграммой кунь. Именно с «подвешивания одежды» (и изобретения средств сообщения) начинается собственно цивилизация, связанная с именем культурного героя Хуанди (предцивилизация ассоциируется с именами Фуси — изобретателя сетей в прямом и переносном — «классификация» — смысле, и Шэньнуна, знаменующего переход к земледелию и городскую революцию).

Но одежда это прежде всего знак, надетый на означающее — «тело» или первичную «простоту» («материю») zhì (质) (pǔ (朴)), на которое до этого прямо наносилась татуировка (значение «орнамент»). Далеко не случайно ранние написания иероглифов 文 и 衣 «одежда» так похожи. В нижней части последнего прослеживается китайский ворот (направление запаха противопоставляло не мужчин и женщин, а цивилизованных людей варварам), а верхняя, скорее всего, ту самую «простоту», к которой эта одежда подвешивалась и которая торчит сверху в виде головы (в знаке 文 аналогом ворота выступает перекрестие линий, по-видимому символизирующее собственно орнамент). В китайской понятийной системе изначальной простоте противопоставлены представления об украшенности, узорчатости, культурном лоске, наконец, о знаке-одежде, и все эти пары к дикой простоте репрезентирует тот же иероглиф 文.

Некоторое соответствие китайской «простоте» можно найти в немецком теле, но тело это изначально «просветленное тело». Вообще представляется, что «собака» китайской специфики «зарыта» скорее в теле, чем в душе, но как раз в «теле» как в чем-то предельно простом трудно видеть подвох. Китайская концепция тела shēn (身) была основательно проанализирована А.И.Кобзевым («Народы Азии и Африки», 1979, № 5), который, в частности, показал, что именно 身 представляет собой ближайший аналог понятия «личность» и

противопоставление лица и тела китайской культуре столь же чуждо, как противопоставление духовного и материального.

Непонимание этой совершенно очевидной для китайцев вещи может приводить к катастрофическим последствиям. Так главный долг человека в рамках концепции сыновней почтительности (сразу скажу — и дочерней тоже, причем автоматически!) — заботиться о своем теле, поскольку тебя им наградили родители. Мы это склонны воспринять прежде всего как призыв делать по утрам зарядку (помня, что тело противопоставляется личности и через это душе — или наоборот, а душа — от Бога), на самом же деле это призыв к сохранению своей личности, к недопущению деградации, причем прежде всего духовной.

Нам это базовое положение, с которого столетиями начиналось воспитание любого цивилизованного (т. е. обучающегося грамоте) китайца, столь же непонятно, как для китайцев непонятна элементарная для европейцев коллизия стихотворения «Ошибка» Саши Черного. Приведу наиболее интересные его отрывки.

Это было в провинции, в страшной глуши.
Я имел для души
Дантистку с телом белее известки и мела,
А для тела —
Модистку с удивительно нежной душой.
Десять лет пролетело
Теперь я большой...

Я купил бы билет
И поехал в провинцию, в страшную глушь...
Но, увы!
Ехидный рассудок уверенно каркает: «Чушь!»
Не спеши —
У дантистки твоей,
У модистки твоей
Нет ни тела уже, ни души».

Впрочем, как мне было сообщено Тань Аошуан (которой я очень признателен за плодотворное обсуждение этого шедевра) еще больше проблем связано с интерпретацией китайцами слова «любить» (оно здесь где-то витает, ведь вполне допустимо заменить «имел для души» на «любил для души»). Впрочем, то же произойдет и с «ехидным рассудком», поскольку китайцы мыслят «сердцем» (центром) и голова для них во

многих отношениях всего лишь главная конечность (ср. рассуждения об иероглифе «одежда» выше).

Но отринем цинизм и обратимся к гуманитарно возвышенному.

Китайские корнезнаки таковы, что носители китайского языка естественным образом оказываются в положении гетевских «небесных образов» — они тоже не спрашивают, мужчина ты или женщина. В китайском языке нет ни категории рода, ни специализированного слова «пол». В нем даже не различаются местоимения «он» и «она» — китайцы во всех случаях говорят *ta*. Если бы Марина Цветаева была китайкой, она не вряд ли сказала бы «Я не поэтесса, я — поэт», поскольку подобное высказывание можно «изобразить» по-китайски только как «Я не поэт-женщина, я — поэт-мужчина». Информация о поле человека в общем случае не содержится даже в его имени (разве что названия цветов и намеки на них свойственны прежде всего женским именам).

Таким образом, в китайском языковом сознании признак пола представляется вторичным. О человеке по-китайски можно долго говорить, не уточняя его пола (примечательно, что по-русски «человек» все-таки «он», а не «она»), так как не возникает необходимость выбора между местоимениями «он» и «она» (аналогичная ситуация в русском языке наблюдается только во множественном числе).

Все последствия этого нелегко представить. Приведу житейский пример. Автора нашумевшего на Тайване образца брутальной прозы «Мужеубийство» я считал мужчиной. Потом мне сообщили, что это — женщина. Тогда я взял еще раз в руки книгу, содержащую подробную автобиографию (!), чтобы понять, откуда я решил, что это мужчина, но так и не обнаружил ни одного прямого или косвенного указания на пол автора.

Понятие пол — это буквальное, «конкретное» понимание словознака *xìng* (性) «натура», составляющего пару с «чувствами-свойствами» *qíng* (情). Современное двусложное обозначение пола *xìngbié* (性别) буквально значит «натуральное различие». Половая дифференциация живых существ задается формулой (ср. изобретение земледелия и городскую революцию): 男耕女织 «мужчины пахут, женщины ткут». Замечу, что ткачество — дело гораздо более научное и тонкое, чем земледелие; и непосредственно от ремесла берет начало китайская протонаука, в том числе и словесность.

В современном нормативном письменном китайском языке местоимение третьего лица *tā* записывается иероглифами с одинаковыми фонетиками, но разными детерминативами — «человек» для «него» и

«женщина» для «нее», но это нововведение под влиянием европейской цивилизации, которым вряд ли стоит гордиться (выходит, он — человек, а она — женщина). Это безусловный шаг назад с точки зрения современного гуманитарного сознания, причем искусственный, противоречащий природе языка (слову «природа» из последнего сочетания также соответствует xìng). Замечу, что на Тайване используются и аналогичные иероглифы с детерминативами «бык» для скотины и «дух» для «Он» т. е. «Бог»; там даже есть женское «ты» с детерминативом «женщина». Женского же «я» нет, возможно, потому что иероглиф «я» вообще не имеет детерминатива, а приписание ему детерминатива «человек» дало бы иероглиф, обозначающий, в частности, Россию. Очевидно, что все это — орфографические условности.

Сами языки, которыми мы пользуемся, ставят женщину в невыгодное положение. Вторая половина русской пословицы «Курица — не птица, баба — не человек» чисто формально может оказаться как истинной, так и ложной, поскольку русская лексика различает «человека» и «мужчину». Ее же английский и французский аналоги на формально-языковом уровне по определению истинны, поскольку оба понятия — и «мужчина», и «человек» обозначаются одним словом: *A woman is not a man; Une femme n'est pas un homme*. Китайский же аналог этого высказывания: (一个) 女人不是 (一个) 人 ложен уже формально, поскольку его пословное соответствие таково: «Человек-женщина (или женского пола) не есть человек». И выглядит оно не лучше софизма типа «Белая лошадь не есть лошадь».

Стоит ли после этого удивляться неожиданно высокому (на фоне достигнутого на данный момент уровня производства материальных благ и степени развития политической культуры и демократии) статусу женщины в современном Китае, отмечаемому социологами и просто внимательными наблюдателями. На роль лингвистического фактора в формировании в Китае естественного для современного цивилизованного мужчины отношения к женщине как к равноценному себе (но не совпадающему по врожденным свойствам) существу уже обращалось внимание в литературе. Сошлюсь на статью «Отражение пола в китайском языке и культуре» китайского лингвиста Вэй Чжицяна в серии «Востоковедение» «Вестника МГУ» за 1992 (# 3) и предисловие к ней Тань Аошуан.

На первый взгляд, сказанное противоречит принятым представлениям о традиционных китайских ценностях и устройстве китайского общества. Однако наши впечатления на этот счет в значительной мере искажены как влиянием на китайский образ жизни маньчжурского нашествия, так и недоразумениями, одно из которых — обнаружение в Китае института многоженства (на самом деле там просто были легализованы любовницы). Впервые покров над истинным положением «женского вопроса» в традиционном Китае приоткрыл в своей классической работе *Sexual life in Ancient China* Ван Гулик — один из немногочисленных европейских наблюдателей, которому удалось описать китайскую культуру изнутри, причем сделать это благожелательно, без подозрений «злонамеренности» или «дикости» в отличиях. (Эта книга была недавно переведена на русский язык.)

Приведу маленькую иллюстрацию необходимости самого деликатного подхода к подобным «материям». Тот же Вэй Чжицян наличие и презрительного отношения к женщине в традиционной китайской культуре иллюстрирует следующим фрагментом первой главы популярного введения в даосизм рубежа нашей эры — трактата «Ле-цзы». Цитирую его в переводе В.В.Маявина.

«Когда Конфуций странствовал по горе Тайшань, он увидел Жун Цици, который бродил по равнине в одеждах из шкур, подпоясанный простой веревкой, и напевал песню, подыгрывая себе на лютне.

— Уважаемый, отчего вы так веселитесь? — спросил его Конфуций.

— О, у меня есть много причин для веселья! — ответил Жун Цици. — Среди всех вещей в мире человек — самое драгоценное, а я имею счастье родиться человеком. Вот первая причина для веселья! Из двух полов (дословно — «существует различие 別 между мужчинами и женщинами» — А.К.) мужчины ценятся выше, чем женщины (дословно «мужчины уважаются, женщины презираются»), а я имею счастье родиться мужчиной. Вот вторая причина для веселья! Среди родившихся на этот свет многие не живут и дня или месяца и никогда не выходят из пеленок, а я уже прожил девяносто лет. Вот моя третья причина для веселья! Для всех людей бедность — это судьба, а смерть — конец существования. Я принимаю свою судьбу и спокойно ожидаю конца, о чем же мне беспокоиться?

— Прекрасно! — воскликнул Конфуций. — Вот человек, знающий, как быть довольным в этом мире.» («Чжуан-цзы. Ле-цзы» (философское наследие, т.123). М., 1995, с.291-292).

В конце этого фрагмента переводчик допустил принципиальную, на мой взгляд, неточность. После третьей причины для веселья на самом деле написано: «Бедность — постоянное состояние (ср. «постоянное дао») интеллигента, смерть — завершение жизни человека. Я нахожусь в постоянстве и обрету завершение (т. е. достигну конечной цели) — чему же мне печалиться?» И на эти рассуждения Конфуций на самом деле реагирует так: «До чего же вы искусны в либеральном к себе отношении!» (или «До чего же вы насобачились предъявлять минимум требований к себе и окружающим!»). Ясно, что этот текст требует к себе примерно такого же отношения, как анекдот об иудее, ежедневно возглашающем: «Хвала тебе, Господи, что ты не создал меня женщиной!»

Однако здесь не место рассуждать о фактическом положении женщины в культуре Китая. Также моей целью не является полемика с воинствующими феминистами (поскольку я не китаец, мне приходится добавить «и феминистками») и европоцентристами (европоцентристками), обвиняющими Китай в варварском отношении к женщине. Я стремился показать, что адекватное понимание чужой (даже чуждой) культуры возможно лишь при учете специфики ее языка, причем языка прежде всего в обычном, бытовом понимании. Также хотелось бы заикнуться, что род (как, впрочем, и часть речи) не является грамматической универсалией — он только кажется таковой под углом зрения «сексуально озабоченного» носителя европейского языка и европейской культуры.

НАУЧНАЯ ТРИБУНА

А.Б.ЗАХАРЬИН

ЭТИМОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРА» В ЧЖОУСКОМ КИТАЕ (XI–III вв. до н.э.)

«Wir brauchen keine Übersetzer mehr,
aber Kritiker und Interpretatoren allein».

(Christoph Harbsmeier) ¹

1. Предисловие

1.1. Суждение о термине

Что понимается под словом «культура»? Стало обычным в дискуссиях на тему «культура» оставлять сам термин вне дискуссии. Поэтому некоторые пояснения общего характера необходимо привести здесь.

Происходящее от латинского *colo* «возделываю», слово *cultura*, означавшее изначально обработку земли сельскохозяйственными орудиями, означает ныне обработку всего и вся, с одной стороны, и продукт этой обработки, с другой. В 15-ом веке из латыни слово приходит во французский, далее в английский и в конце 17-го века — в немецкий. В русском языке слово известно с 30-х гг. 19-го века. Оно отмечено в 1837 г. в *Ренофанц* (139) ²: культура — 1) «хлебопашество, земледелие»; 2) «образованность». ³

¹ «Нам больше не нужны переводчики, но критики и интерпретаторы только». (Кристоф Харбсмайер, из лекций в Университете Осло, июнь 1997).

² *Ренофанц*. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. Спб., 1837.

³ П.Я.Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993; т.1, с.453.

Ныне нет вида деятельности, где не применялось бы с той или иной частотой слово «культура». Однако о какой бы культуре мы ни говорили: о материальной или духовной; о бактериальной или растительной; животной или человеческой; физической или умственной; племенной или социальной; сельской или городской, неолитической или современной; политической или экономической; художественной или музыкальной, — у предиката «культура» есть один общий, означенный или подразумеваемый, субъект. Этот субъект — Человек. Все, что относится к «культуре», неизбежно относится к человеку, к созидательной деятельности его рук и ума. Даже там, где речь идет о культуре льна, лошадей или холеры, человек незримо присутствует. То, что не входит в понятийное поле «культура», для нас природа, по-рода и т.д., то есть определенное рождением, а не культивированное, не обработанное или опосредованное человеком.

Если в контрадикторной оппозиции, культуре противостоит не-культура, или природа, то контрарную оппозицию составляют такие понятия как «война» и «варварство». *Sub specie aeternitatis* и «война», и «варварство» суть тоже культура, но в синхронном рассмотрении противные данной, принятой за таковую, культуре гражданской, цивилизаторской, Культуре с большой буквы.

Если для ботаника, врача, историка, политолога или культурного антрополога за словом «культура» стоит узкий круг подразумеваемых процессов и явлений, то для философа «культура» — не более, чем понятие, определенное тем или иным кругом других понятий, таких как: «природа», «варварство», «общество», «время», «язык» и «человек». Через множественность этих понятий, список которых уходит в бесконечность, философ, как никто другой, видит относительность того, что мы понимаем под словом «культура».

Эта относительность — прежде всего историческая относительность. То, что понимается под культурой сегодня, вне всякого сомнения, много больше того, что понималось нашими предками. Были ли вообще у народов, населявших землю 20 и 30 веков назад, соответствующие представления о законообразной преобразующей деятельности разума и рук, о продукте этой деятельности и о необходимости обожествлять то и другое? И если да, в каких словах были эти представления известны?

Особенно важным представляется анализ формирования и развития таких представлений в античных обществах, давших толчок развитию обществ средневековых и обществ так называемых вторичных культур,

как японская, тибетская и т.д. Китайский этнос представляет с этой точки зрения исключительный интерес. Иероглифический шрифт и не подверженные быстрому разрушению материалы сохранили для нас в очень мало измененном виде свидетельства мысли, явившиеся на свет много веков до рождения Христа. В конфуцианском *Лунь* (5 в до н.э.?) находим уже отлично разработанные оппозиции, как: культура *wen* 文 и война *wu* 武, культура *wen* 文 и варварство *ye* 野, культура *wen* 文 и природа *zhi* 質, развитые затем комментаторами последующих эпох. Как никакой другой, китайский этнос сохранил для человечества возможность узнать о самых ранних явлениях мысли из текстовых источников. Неслучайно поэтому, что исследование этимологии и эволюции концепта «культура» предпринимается на основе китайской письменной традиции.

1.2. Суждение о методе

Несмотря на обширное знакомство греко-римской культуры с китайскими классическими текстами с конца прошлого века, и сегодня мы располагаем ничтожным критическим или чисто негативным знанием о том, чего и в какое время не значили, не могли значить китайские знаки. Объемные лексические своды прежде всего создают и поддерживают впечатление, что в любой момент синхронного исследования, десять или тридцать веков назад, письменный знак мог означать невразумительно много.

Виною такого положения являлся некритический *классико-филологический* метод, пришедший в ориенталистику из автохтонных традиций и сохранявший в ней продолжительное господство. Ориентированный на перевод и комментирование образцов греко-римской античности, метод этот долгое время оставался единственным в изучении Востока и его мудреных книг. Единственным способом понять восточные книги было установить ассоциативные связи в системе значений, или перевести, переложить, их на известные европейские языки.

По мере того как число переведенных книг росло, содержание их, отторгнутое от культурного контекста, не переставало казаться путаным и странным. Стало ясно, что памятник чужой культуры невозможно перевести на другой язык, не потревожив в нем главного — связей между составляющими. Нарушение синтагматических связей *rappports syntagmatiques* ради ассоциативных *rappports associatifs* сделало самый точный перенос частных значений через ассоциации отражением в *кривом* зеркале,

ибо, воссозданные на новом языке и по отдельности казавшиеся точными, эквиваленты не создавали гармоничной синтагмы на родном языке¹.

Положение усугублялось тем, что толкования знаков и сочетаний, без оглядки на их достоверность, черпались из китайских словарей и комментариев к текстам, находившихся внутри консервативно-вневременной автохтонной традиции. Не видя сбивчивых мест в китайских толкованиях, европейские ученые редко не шли за китайскими комментаторами и редакторами, считая насущной задачей понимания перевод текста на свой язык. Не одни памятники классики, но объемные лексикографические своды в незначительно переработанном виде перелагались на европейские языки. В 1890 г. один из величайших переводчиков эпохи *fin de siecle* Seraphin Couvreur (1835–1919) издает *Dictionnaire Classique de la Langue Chinoise* (первое издание: Ho-kien-fou 1890). С этого монументального труда, не утратившего и сегодня свою научную ценность, начинается систематическое европейское знание о значениях китайских знаков. Однако на деле Куврер с незначительными доработками переложил на французский язык словарь *Kangxi* (1716 г.), о котором речь ниже.

Проследить в истории и критически оценить развитие синтагматических связей слов оказывалось задачей куда более трудной, чем отыскание подходящих переводных эквивалентов отдельных иероглифов. Проблема перевода со временем перестала казаться научной — метод первобытной переводческой эмпирии с интуитивным вживанием в текст все больше стал уступать методу историко-критическому.

2. Попытки историко-критического подхода к анализу термина

Известно, что центральный концепт китайской культуры означает иероглифом *wen* 文. Само слово культура *wenhua* 文化 означает *метаморфозы взнь*. Однако, что такое эти *метаморфозы*, эта *овзненность*, знают плохо, и потому, когда говорят о *взнь*, задают значения списком. Несмотря на то, что переводов термина на другие языки множество, попыток исследовать этимологию знака мало и результаты их противоречивы. Еще меньше попыток критически отследить историю концепта.

¹ «В то время как синтагма сразу же вызывает представление о последовательности и определенном числе сменяющих друг друга элементов, члены, составляющие ассоциативную группу, не даны в сознании ни в определенном количестве, ни в определенном порядке». Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977; с.158.

2.1.

Herlee G. Creel: «Иероглиф *wen* 文, кажется, имел первоначально значение «полосатый» или «украшенный», и, возможно, в развитии этого значения, *wen* стало значить «совершенный», «совершенства», и даже «цивилизация» — все украшения жизни, которые отличают «цивилизованного» человека от необученного варвара»¹.

Подобная точка зрения может считаться общепринятой и вместе с тем весьма умозрительной. Соблазнительно простым рассудочным решением представляется вывести понятие с большим объемом (культура) из понятия с меньшим (узор).

2.2.

Другой точки зрения придерживается небольшая группа исследователей, имевших опыт работы с текстами ранней классики — «Книгой песен» *Shijing* 詩經 и рядом глав «Книги Шан» *Shangshu* 尚書.

Arthur Waley полагает, что в большинстве контекстов «Книги Песен» *wen* — «родовой эпитет предков. Мы не знаем, что он означает... Возможно, совершенно отлично от него другое слово, написанное тем же иероглифом. Оно означает «узор», и отсюда «письменный символ», изучение книг, противопоставленное доблести сражения, «перо», противопоставленное «мечу», искусства мира, противопоставленные воинским искусствам».²

Таким образом, следуя за мыслью английского переводчика «Книги Песен», выводим, что более древний знак *wen* 文, сначала означавший эпитет почитаемого предка, начал обозначать, очень вероятно, слово со значением «узор» и с похожим звучанием.

¹ «The character *wen* appears to have originally had the sense of «striped» or «adorned», and it may be extension from this that *wen* came to mean «accomplished», «accomplishments», and even «civilization»: all of those adornments of life that distinguish the civilized man from the untutored barbarian.» (*Creel, Herlee G. The Origins of Statecraft in China, vol. I: The Western Zhou Empire. Chicago: University of Chicago Press. 1970; p. 67*).

² ...a stock epithet of ancestors. We do not know what it means ...Possibly quite distinct from this is another word, written with the same character. This means a pattern, and hence «a written symbol», book-learning as opposed to battle-prowess, the «pen» as opposed to the «sword», the arts of peace as opposed to those of war.» (*Waley Arthur. The Book of Songs. N-Y. 1960; p. 346*).

2.3.

Академик **В.М.Алексеев** сделал одну из первых попыток проинтерпретировать термин для отечественной науки: «Как известно, отправным пунктом конфуцианского учения является так называемый *Путь Высшего Человека* (*цзюньцзы-чжи дао* 君子之道), который складывается из двух элементов. Первый элемент — *жэнь* 仁 — зенит человеческого проникновения в добро, так сказать, человек в человеке, человек с большой буквы. Второй элемент — *вэнь* 文, т.е. откровение в слове совершенных людей, особенно тех, которые жили в древности и создали непреложные начала китайской культуры. Процессом достижения этого идеала... является «переработка человека на основе мудрого древнего слова», *вэнь хуа* 文化¹. В другом месте Алексеев тоже предлагает специфическое понимание *вэнь* как книжной культуры: «Следующий конфуцианскому *дао* человек — это цзюньцзы, просвещенный человек, и затем государь—*шэнжэнь* 聖人, человек высшего порядка. Он полон гуманности (*жэнь* 仁), долга (*и* 義) и воплощает в себе культуру (*вэньхуа* 文化). Все его совершенство добыто из знания книг, а никак не через религиозное откровение, приходящее к человеку извне, от бога»².

Был ли взгляд ученого сформирован под влиянием заданного круга источников? Несомненно. Из лекций 1910 и 1911–1912 гг. делается ясно, на какие именно источники опирался Алексеев. Это переведенные уже к тому времени на европейские языки *Lunyu* 論語, *Liji* 禮記 и *Shiji* 史記³. В текстах к своим лекциям Алексеев дает многочисленные ссылки на переводы Легга и Куврера. Ясно, что ученый, работая в основном не по китайским, а по двуязычным китайско-французским и китайско-английским изданиям классики, опирался на мнения европейских переводчиков. Блестяще сформулированные взгляды Алексеева, ставшие настоящим откровением времени, лишены того историзма, который позволяет рассматривать всякую истину, пускай самую глубокую, относительно данной эпохи, данного социума и данного круга текстов.

¹ В.М.Алексеев. Китайская народная картина. М., 1966; с.74.

² *ibid.* с.114.

³ Китайские тексты к лекциям приват-доцента В.М.Алексеева 1910 и 1911–1912 ак. годы. Харбин, 1912; с.53.

2.4.

Самый обширный и интересный историко-философский анализ термина в отечественной науке дает в первой главе своей докторской диссертации профессор **И.С.Лисевич**.¹ Обстоятельное для своего времени исследование И.С. Лисевича выводит полуторатысячетную линию развития концепта, от надписей на гадательных костях и бронзовых сосудах (11 в. — 771 г. до н.э.) до начала так называемого китайского ренессанса в начале династии Тан (618–907). На выводах И.С.Лисевича возможно выстроить следующую хронологию значений:

- 1) *татуировка*: «первоначально (видимо, в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах Западного Чжоу, 11 в. — 771 г. до н.э. — А.З.) изображение человека с разрисованным туловищем...сочетание синего и красного цветов...татуировка должна была иметь сакральный смысл»;
- 2) *узоры космоса*: «небесное вэнь *tianwen* в 22-й гексаграмме «Книги Перемен»;
- 3) *письмена*: «человеческие письмена *renwen*, т.е. иероглифы;
- 4) *культура*: «еще в глубокой древности (И.С.Лисевич цитирует здесь *Липуи*) вэнь приобрело и переносное значение...речь идет о самом широком понимании образованности... Человеческая натура представляется как бы чистым листом бумаги, на который он своей жизнью, делами, нелегким самосовершенствованием и учением наносит собственный узор, отличающий его от животного....»
- 5) *литература*, или *каноническая литература*, (И.С.Лисевич, не обозначая временных рамок, видимо, имеет в виду памятники Восточного Чжоу, 770–256 до н.э. — А.З.): «...если на одном конце такого спектра следует поместить значение «культура», «цивилизованность», а на другом простые, вещные «узор» и «письмена», то в промежутке найдется место для самого главного, что нас интересует непосредственно, — для литературы». И.С.Лисевич объясняет здесь, что под литературой «во времена Конфуция субъективно мыслилась только литература философская или этико-политическая (т.е. канонизированное впоследствии «Шестикнижие» — А.З.);

¹ *И.С.Лисевич*. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1980; с.15–31.

- 6) *художественная литература*, лирически окрашенная: «...на рубеже новой эры нашелся человек, который прямо противопоставил живую литературу современности канону, открыто заявив, что только она может претендовать на звание истинной литературы — *вэнь*. Иногда считают, что в роли такого новатора выступил Цао Пи (187–226), — нет, это сделал его предшественник, прославивший себя вольнодумством, Ван Чун (27–97).... Начиная с ханьского времени слово *вэнь* подчас становилось синонимом красот стиля, синонимом изысканного словесного выражения, стоящего в определенной оппозиции к внутреннему, духовному содержанию произведения».
- 7) *ритмизованная проза*: «...в 4 и 5 вв., когда китайская поэзия все чаще следовала новым нормам чередования музыкальных тонов...противопоставление произведений *би* и *вэнь* стало противопоставлением неритмизованной деловой прозы прозе и поэзии, подчиненным строгому принципу ритма.... Эта его функция выявилась еще четче в следующую эпоху — Тан, когда так стали именовать только прозу «древнего стиля» (*guwen*)».

В заключение И.С.Лисевич делает два важных, пускай спорных, вывода о сужении объема термина в истории, с одной стороны, и о смысловой взаимосвязанности и даже преемственности его значений, с другой: «Суммируя все сказанное, нетрудно убедиться, что на протяжении тринадцати столетий, от Конфуция до танского Хань Юя, происходит постепенное сужение термина: от общецивилизующего начала, через обозначение всего того, что написано иероглифами, к понятию словесности (в отличие от канона, философии и истории), изящной словесности, ритмизованной прозы и, наконец, к обозначению определенного литературного стиля и даже жанра. Характерной особенностью остается, однако, то, что старые значения не отмирают полностью: непререкаемый авторитет традиции сохраняет их все в арсенале литературной мысли; и хотя в каждую определенную эпоху наиболее употребительным является одно или два, другие также находят применение для определенных случаев и у определенных авторов. Образуется как бы букет значений: одни постепенно блекнут, другие распускаются, но ни один цветок не выбрасывается... Достаточно тщательно проанализировать функции и оттенки первоначального, «вещного» значения слова *вэнь* как знака приобщения к высшему началу, знака вообще, яркой цветной росписи, орнаментального ри-

сунка и т.д., чтобы убедиться, что все новые значения потенциально были заложены в этом круге и никогда его не перешагивали.»

И.С.Лисевич несомненно противоречит себе, выводя, с одной стороны, сужение термина «от общецивилизующего начала» к «обозначению определенного литературного стиля», а, с другой стороны, как бы забывая при этом, что началом было, по его же собственным словам, не «общецивилизующее начало», а татуировка. Тогда получается, что термин, наоборот, не сужается, а расширяется (и это положение с тем же правдоподобием устанавливается любыми другими спекуляциями). Конфуз происходит, несомненно, из очевидной умозрительности схемы, за которой временной промежуток в 13 веков и явный минимум фактического материала.

Столь же спорным выглядит вывод И.С.Лисевича о том, что значения *вэнь* никогда «не перешагивали» круга «вещного» содержания «знака вообще, яркой цветной росписи, орнаментального узора». Проблема как раз в том, что китайские словари полны неясных смыслов термина, которые как раз тем или иным образом «перешагивают» вещное понятие «узор». К таким значениям, почерпнутым из одного из самых полных на сегодня лексических сводов — *Большого словаря литературного китайского языка*¹, можно отнести следующие, для *wen2*:

- III (4) правила ритуала и система законов *li yi fa du* 禮儀法度;
- III (5) название системы ритуала и музыки *li yue zhidu zhi wei* 禮樂制度之謂;
- XI совершенный, благой *mei ye, shan ye* 美也善也;
- XII не бескультурный *bu bi lou* 不鄙陋;
- XIII общее наименование добродетели *de zhi zong ming* 德之總名;
- XIV искусства дао (главные искусства) *dao yi* 道藝;
- XV антоним военного дела *wu shi zhi duicheng* 武事之對稱;
- XVI наименование оркестровой музыки *gu yue ming*; 鼓樂名
- XVIII обозначение чжоуского князя Вэнь *wei Zhou Wen-wang* 謂周文王;
- XXIII максима посмертного титулования *shi fa* 諡法;
- XXV фамилия *xing ye* 姓也 (производна от посмертного титула *shi* 諡);

Для *wen4* ряд значений связан с очевидным фонетическим заимствованием, — знак употребляется для обозначения на письме своих исторических омофонов:

¹ Zhongwen Dacidian. Taipei. 1966; т.15, с.6180–6181.

- XIX прилагать усилия: mian ye, yu wen tong 勉也, 與忝通;
 XX беспорядочный: za luan ye. yu wen tong 雜亂也。與紊通;
 XXIV одна из рифм (в рифмовниках): yun mu zhi yi 韻目之一.

2.5.

Доктор философских наук **А.И.Кобзев** предлагает обманчиво простое, но по сути ничего не объясняющее, «slash- объяснение»:

«Вэнь — письменность/культура («культурность», «цивилизованность», «цивильный», «гражданский», «гуманитарный», «просвещение», «образование», «литература», «изящная словесность», «стиль», «украшенность»».¹

Список значений открывает «письменность» и завершает «украшенность», последовательность, которая противоречит дальнейшему указанию автора: «Этимологическое значение — татуировка, узор, орнамент». Тогда почему не открыть список «украшенностью»? В целом возникает удобная версия происхождения концепта культура из концепта письменность, версия сомнительная для всякого знакомого с историей социумов: у народов, вовсе не знающих письменности, может присутствовать развитая духовная и материальная культура. На заре цивилизации культура, конечно, не возникает на основе книжной грамотности, как в новое время, но порождает, помимо самого письма, и необходимость его появления. Однако Кобзев точен в определении двух основных оппозиций, в которые входит *вэнь*:

«Терминологическую оппозицию Вэнь составляют, с одной стороны, «природная (стихийная, материальная) основа» (*чжэи зhi* 質) как состояние, еще не достигшее упорядоченности, с другой — «военное начало», «воинственность» (*у wi* 武) как разрушающее естественный порядок. В самом широком смысле Вэнь означает всякую выявленную (осмысленную) упорядоченность: например, в живой природе это «Вэнь зверей и птиц», т.е. знаковая система их следов (*Си цы чжуань* II, 2), в неживой — «Вэнь Неба», т.е. астрономические объекты и явления.»

2.6.

Сходным образом строит историческую последовательность значений *вэнь* работающий в основном в области исследований нарративной прозы петербургский профессор Л.Н.Меньшиков:

¹ Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994; с.58–59.

«Первоначальное значение Вэнь — «узор, орнамент» — сохраняется в терминах астрологии/астрономии (*тянь вэнь* «небесные узоры», небесные явления)... Впоследствии Вэнь стало обозначать иероглифическую письменность («орнаментальное» письмо) и словесность («узорное», «украшенное» слово)... К Вэнь относятся древнейшие книги, вошедшие в конфуцианский канон... Позднее к ним добавлены другие сочинения, а Вэнь стало обозначать всю сумму культурных представлений, связанных со знанием словесности».

Точка зрения Л.Н.Меньшикова практически повторяет точку зрения традиционных китайских толковых словарей на историческую преемственность значений: узор — иероглифы — книги — культурные представления. Эта простая четырехчленная цепочка представляется тем непременно здравым, что критический ум способен вывести из путаницы словарных толкований. Она, однако, не претендует на полноту и ничего не говорит нам ни о конкретном историческом времени, в котором действует концепт, ни об источниках, в которых знак появляется в указанных значениях.

3. Критика словарных интерпретаций

Знание о *вэнь*, как и о знаках вообще, как правило, начинается не с текста или комментария к нему, а со словаря. Словарь — не только свод слов, но критерий истинности значений. Обращая кого-то к верховной правде, мы говорим: загляните в словарь. Словарь — законодатель того вместе ценного и вредного феноменологического знания, которое раньше и сильнее всего формирует умы людей. Феноменологичность словарного знания делает возможным, как и в мифе, стихийное соединение несоединимого. Если не в самом словаре, то через словарь, помимо точного знания, рождается тот феномен словесного вымысла и нищеты фактической правды, который афористичный академик В.М.Алексеев называл *экзотикой*. Поэтому дискурс о *вэнь* удобно начинать с критики словарных интерпретаций, с выявления хаотичности и противоречивости словарных толкований.

Со времени первого китайского словаря *Shuowen Jiezi* 說文解字, законченного придворным филологом Сюй Шэнем (55–149) в 100 г. н.э., число словарных толкований *wen* постоянно росло. В то время как словарь Сюй Шэня предлагает лишь одно значение «перекрестные линии» (в дей-

ствительности неверное объяснение его графической структуры), спустя 16 веков самый большой лексикографический свод последней китайской династии Цин (1644–1911) *Kangxi Zidian* содержит уже около 16 толкований (*Kangxi Zidian*, Zhonghuashuju 1958, стр. 405). «Большой словарь литературного китайского языка» (*Zhongwen Dacidian*, Taipei 1966, с.6180–6220) содержит 961 словарную статью (в подавляющем большинстве двузначные сочетания) с первым знаком *wen*. 38 толкований знака объединены здесь в большие семантические единства. «Большой словарь китайского языка» (*Hanyu Dacidian*, Shanghai 1990, с.1512–1547) предлагает 32 толкования знака. Словарные толкования не организованы хронологически. Весьма часто толкования представляют собой образные и нередко ошибочные интерпретации *in extenso* китайских комментаторов всех времен. Тогда как даже самые объемные лексикографические своды не делают возможным отследить историю знаков, именно такие попытки предпринимаются сплошь и рядом с опорой на словарь, и именно словарь с его хаосом подходящих и неподходящих объяснений остается основным инструментом познания не одного студента.

Хаотичность словарных толкований за ограниченностью объема журнальной статьи может быть продемонстрирована на примере словаря «Канси» (*Kangxi Zidian*, 1716 г.), ставшего своеобразным памятником многовековой словарной традиции императорского Китая. Из этого с словаря вышли и словари нашего столетия, как китайские, так и европейские, вобравшие в себя не одни классические объяснения и примеры, но множество путаных мест и ошибок. Анализ словарных интерпретаций *wen* мы надеемся предложить в следующей публикации.

ИЗ КУРСОВЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ

ОТ РЕДАКТОРА

В этой рубрике мы будем публиковать рефераты наиболее удачных курсовых работ студентов. В данном номере публикуются два реферата, написанных студентками третьего курса ИСАА при МГУ. Обе они — лингвистики.

Работа М.Осташевой позволяет глубже понять самый знаменитый классический китайский роман — «Сон в красном тереме», переведенный на русский язык (вышло два издания).

Работа Е.Кузнецовой содержит сведения о музыкальной составляющей набора китайских канонических книг. Она также может привлечь внимание читателя как интерпретация текста, написанного на классическом китайском языке (вэньяне). Заинтересовавшиеся этим материалом имеют уникальную возможность прочесть перевод настоящей китайской статьи о нем в сборнике статей Го Мо-жо «Бронзовый век» (Москва, 1959г.; статья называется «Гунсунь Ни-цзы и его теория музыки»), а также полный перевод памятника в сборнике «Музыкальная эстетика стран Востока» (М., 1967).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СУДЕБ ПЕРСОНАЖЕЙ НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОВ В РОМАНЕ ЦАО СЮЭЦИНА «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

Стихи из циклов «Главная книга судеб двенадцати головных шпилек из Цзиньлина» и «Дополнительная книга к судьбам двенадцати головных шпилек из Цзиньлина» пятой главы классического китайского романа «Сон в красном тереме» уникальны: в сжатой и завуалированной форме в них описываются судьбы женских персонажей романа. С первого раза читателю трудно догадаться, о ком из персонажей идет речь, и, по мере чтения романа он возвращается к этим стихам вновь и вновь.

Зашифровка судеб персонажей в стихах не случайна. Стихи — это своеобразный генетический код, в котором заложено все то, что должно произойти с персонажами романа в жизни. Автор использует большое количество тропов — в основном метафор, символов и сравнений. Все это — намеки, чтобы читатель мог догадаться, о ком идет речь.

В стихотворениях цикла «О двенадцати головных шпильках из Цзиньлина» рассказывается не только о жизненных перипетиях девушек из семьи Цзя, но и о свойствах их характеров, об их достоинствах, об окружающей их обстановке, об их переживаниях; часто в стихах содержится намек на их биографию. Но прежде всего это стихи о трагизме судеб девушек, о неотвратимости этого трагизма.

Стихи эти — не просто предсказание судьбы, а ее предопределение. Уже в первой главе романа, в предыстории Цзя Бао-юйя и Линь Дай-юй выражается идея неизбежности их встречи и трагизма их судеб. В пятой главе романа в стихах описаны судьбы всех остальных «шпилек». В этой главе главный персонаж Цзя Бао-юй во сне попадает в загробный мир — «Область небесных грез», где бессмертная фея Цзин-хуань показывает ему реестры с непонятными (не только для него, но и для читателя) стихами. Как выясняется, эти стихи представляют собой описание в завуалированной форме судеб девушек семьи Цзя.

Эти стихи и будут являться предметом нашего исследования. Они действительно трудны для понимания, и читатель вряд ли с первого раза сможет расшифровать их смысл. В первую очередь это касается тех, кто читает роман в переводе. Как бы хорош ни был перевод, он не отражает всей специфики китайских иероглифов.

Из четырнадцати стихотворений в первой статье будут рассмотрены два. Это стихотворения, посвященные Линь Дай-юй с Сюэ Бао-чай и Мяо-юй. Анализ стихотворения содержит 4 пункта: А — стихотворение в оригинале и в переводе Л.Н.Меньшикова; Б — комментарий; В — схема смысловой структуры стихотворения; Г — пояснение к схеме.

В некоторых стихотворениях содержатся даже зашифрованные имена девушек, которым они посвящены, как, например, в стихотворении

1. Сюэ Бао-чай и Линь Дай-юй

1а. Стихотворение

О той я вздыхаю,	чей нрав — добродетель сама,	(可叹停机德)
И ту я жалею,	что тополя пух воспевала.	(堪怜咏絮才)
Нефритовый пояс	в лесу на деревьях висит,	(玉带林中挂)
Из золота шпилька	под снежным сугробом пропала.	(金簪雪里埋)

1б. Комментарий

Уже из того, что «нефритовый пояс» по-китайски звучит как «дай-юй», «лес» — как «линь», «шпилька» — как «чай», а «снег» — как «сюэ», можно сделать вывод, что стихотворение посвящено двум кузинам Бао-юйя — Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай. Это один из примеров эксплуатации автором звучания иероглифов.

В то же время это стихотворение может служить примером (хотя и не самым характерным) эксплуатации всего нескольких иероглифов (здесь их два) для намека на дальнейшую судьбу обеих девушек. В данном случае это иероглифы (叹) тап «вздыхать» и (怜) lian «жалеть». Остальные иероглифы намекают на характер Линь Дай-юй и Сюэ Бао-чай; по ним также можно догадаться, о ком идет речь. Но слова «вздыхать» и «жалеть» не оставляют никаких сомнений в том, что судьба девушек сложится неудачно, и, несмотря на все свои добродетели и таланты (иероглифы (德) de и (才) cai), в жизни обе они будут очень несчастливы.

О Линь Дай-юй разговор особый: уже в первой главе мы встречаем ее в обличье травки бессмертия «Пурпурной жемчужины». В свое время некий Хрустальноблещущий служитель, который позже появится в романе в образе Цзя Бао-юйя, спас ее от засухи, поливая ароматной росой. Травка бессмертия должна отблагодарить его в то время, когда оба они будут посланы на землю в людском обличье. Она поклялась отдать ему слезы

всей своей жизни. Это ключевой момент определяет то, что жизнь Линь Дай-юй не может быть счастливой изначально, ибо ее слезы, даже будучи воздаянием Хрустальноблещущему служителю, все равно остаются слезами.

Действительно, когда Дай-юй попадает в людской мир, с самого начала судьба ей не улыбается. В раннем возрасте она теряет родителей и вынуждена жить у родственников. Она мечтает только о том, чтобы выйти замуж за Бао-юя, но не имеет возможности сама решать свою судьбу. Бабушка Бао-юя — матушка Цзя, невзлюбившая Дай-юй из-за независимого и упрямого характера, считает лучшей парой для внука Бао-чай, тем более, что судьба связывает нерушимыми узами золото и камень (Бао-чай была обладательницей золотого замка, а Бао-юй родился с куском яшмы во рту). Несмотря на то, что сам Бао-юй любит Дай-юй, родственники обманом женят его на Бао-чай. В результате Дай-юй умирает, Бао-юй уходит в монахи, а Бао-чай, которой, казалось бы, наконец-то улыбнулось счастье, на всю жизнь остается соломенной вдовой. Так исполняется все то, о чем говорилось в стихотворении.

1в. Схема

薛	可叹 (-)	→	命	←	堪怜 (-)	林
宝	停机德 (+)	→	不	←	咏絮才 (-)	黛
钗	埋 (-)	→	好	←	挂 (-)	玉

1г. Пояснение к схеме

В китайском тексте стихотворения выделены ключевые иероглифы, образующие семантическое поле судьбы кузин Цзя Бао-юя. Стихотворение основано на противопоставлении их характеров: Сюэ Бао-чай отличается множеством добродетелей, а Линь Дай-юй известна своим нестандартным мышлением и выдающимся поэтическим талантом. В средневековом Китае считалось, что чем меньше у девушки талантов, тем больше у нее добродетелей и даже само отсутствие талантов у девушки является добродетелью. Поэтому над иероглифом 德 мы поставили знак «+», а над иероглифом 才 — знак «-»; в данном случае понятия 德 и 才 противопоставлены друг другу.

Логично, что жизнь Дай-юй складывается неудачно, ведь она — бунтарь, она желает жить своей собственной жизнью и ни от кого не зависеть. В отличие от Бао-чай, которая является образцом

конфуцианских добродетелей, она упряма и непокорна и жестоко платится за это. Но и у Бао-чай, вопреки всем ее достоинствам, судьба складывается не лучшим образом.

На несчастную судьбу обеих девушек указывают иероглифы (埋) *mai* «быть погребенным» и (挂) *gua* «висеть» (на схеме они помечены знаком «-») в контексте фраз, пословный перевод которых имеет вид: «Нефритовый пояс висит на дереве; золотая шпилька погребена в снегу». Под «нефритовым поясом» как уже говорилось, подразумевается Линь Дай-юй, под «золотой шпилькой» — Сюэ Бао-чай. Эти строки содержат аллереорию: обе вещи оказываются не на своем месте, и это является причиной трагедии. Линь Дай-юй с ее необычными взглядами на жизнь опережает свою эпоху, а Сюэ Бао-чай, попав в семью, отнюдь не отличающуюся добродетелями, не соответствует своему окружению. Таким образом, используя иероглифы в аллегорическом смысле, автор программирует судьбы персонажей романа.

2. Мяо-юй

2а. Стихотворение

Ты хочешь быть чистой —	но как чистоту сохранить?	(欲洁何曾洁)
Напрасным слыущее	может напрасным не быть.	(云空未必空)
Какая досада,	коль золоту или нефриту	(可怜金玉质)
Внезапно приходится	в липкую грязь угодить!	(终陷淖泥中)

2б. Комментарий

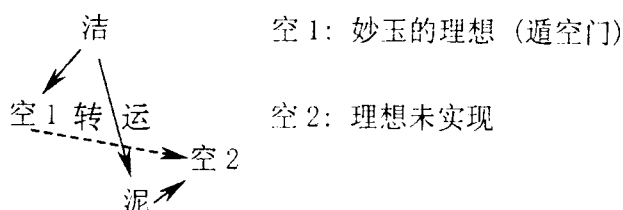
В этом стихотворении можно выделить три иероглифа, которые образуют семантическое поле судьбы: (空) *kong* «напрасный», «пустой», (怜) *lian* «жалеть», «жалко» и (泥) *ni* «грязь». Мяо-юй, будучи буддийской монахиней, всю жизнь стремится к совершенству и чистоте, но судьба распоряжается иначе. Во время беспорядков в домах Жунго и Нинго, связанных с похоронами матушки Цзя и болезнью Фын-цзе, Мяо-юй попала на глаза главарю шайки разбойников, который ее похитил. Дальнейшая судьба Мяо-юй нам неизвестна, однако Си-чунь — одна из барышень семьи Цзя, будучи подругой Мяо-юй и лучше других зная ее характер, уверена, что монахиня скорей покончит с собой, чем будет терпеть такой позор. Но так считают далеко не все, и распускаются слухи, будто Мяо-юй надоело вести жизнь затворницы и она сбежала с

неизвестным разбойником: ведь девушка, обладающая такой неземной красотой, не может быть непорочной в своих помыслах и деяниях.

Судьба этой девушки поистине достойна сожаления — 怜 (это слово уже встречалось в строках, посвященных судьбе Линь Дай-юй): мало того, что ее, монахиню, похитил разбойник, даже люди не посочувствовали ее несчастной судьбе, а, напротив, распустили про нее грязные сплетни, и все ее стремления к самосовершенствованию и чистоте, оказались пустыми, напрасными (空).

Иероглиф 空 связан с буддийским понятием о пустоте: все вещи возникают из пустоты и возвращаются в нее. Поэтому все стремления человека, его честолюбивые мечты напрасны, ибо в конечном счете всему приходит конец, и человек, как бы он ни старался, не в силах что-либо изменить. В строке «Напрасным слышущее может напрасным не быть» содержится игра слов: именно то, что Мяо-юй считала пустым, недостойным себя, стало ее злым роком — не только потому, что жизнь ее имела столь печальный исход, но и оттого, что люди обвинили ее в разврате.

2в. Схема

2г. Пояснение к схеме

Это стихотворение, как и предыдущее, построено на противопоставлении. Здесь друг другу полярны понятия (洁) jie «чистый», «чистота» и (泥) ni «грязный», «грязь». «Прекрасная яшма» (перевод имени Мяо-юй), стремившаяся к чистоте, угодила в грязь, и все ее стремления оказались напрасными. Таким образом, «чистота» может легко превратиться в «грязь» (вертикальная стрелка на схеме). Превращение совершается посредством «судьбы» (命).

Ключевую роль играет и способность иероглифа 空 принимать разные значения. Одно значение kong1 связано с понятием «чистота»: dun ru kong men (遁入空门) значит «принять монашество». В этом контексте kong воспринимается как идеал чистоты. Но из-за вмешательства судьбы

чистота переходит в грязь, и kong1 превращается в kong2 «пустой», «напрасный» (прерывистая стрелка на схеме) — намек на то, что надежды Мяо-юй не оправдались и оказались напрасными. Таким образом, все стремления Мяо-юй, связанные с достижением ее идеала, оказываются тщетными, потому что между нею и ее мечтами встает 命 «судьба».

Список литературы

1. Цао Сюэцзинь. «Сон в красном тереме». М., ГИХЛ, 1958.
2. Тань Аошуан. «Реконструкция представлений китайцев по фразеологизмам». — «Понятие судьбы в контексте разных культур». М., Наука, 1994.
3. А.М. Карпетянц. «Концепция судьбы у древнекитайских философов». — «Понятие судьбы в контексте разных культур». М., Наука, 1994.
4. Цао Сюэцзинь. «Сон в красном тереме». М., «Художественная литература», 1995.
5. А.К. Жолковский. «Три инвенции на грани лингвистики и поэтики». М., «Московский Лингвистический Журнал». РГГУ, 1996.
6. «Теория Метафоры». М., Прогресс, 1990.
7. Д.М. Воскресенский. «Сага о большой семье». — «Сон в красном тереме». М., «Художественная Литература», 1995.
8. «红楼梦». — 曹雪芹. 人民文学出版社. 1982.
9. «红楼梦鉴赏辞典». — 上海古籍出版社. 1988.
王蒙. «读红楼梦后启示».

«ЗАПИСКИ О МУЗЫКЕ» И ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МУЗЫКИ

В процессе длительного развития человеческого общества в Китае возникали и совершенствовались различные формы духовной культуры. Среди этих форм выдающаяся роль принадлежала музыке как явлению огромной общественной значимости. Термин 乐 (yue4) «музыка» выражал очень широкое по своему содержанию понятие. Он включал музыку, поэзию, танцы, живопись, гравюру, архитектуру и другие виды изящных искусств. Термин «юэ» (музыка) по своему содержанию был равнозначен термину «лэ» (радость), совпадал с ним по написанию, хотя и различался по чтению. В широком смысле термином «лэ» обозначалось всё то, что доставляло наслаждение человеку. «Но нет никакого сомнения», — утверждает Го Мо-жо в своей статье «Гунсунь Ни-цзы и его теория музыки», — «что все эти наслаждения давала прежде всего музыка, ибо в музыке воплощается суть искусства и в ней наиболее строго упорядочены его технические приемы.

Классика помещала музыку на высшие места в шкале ценностей не случайно. Музыка считалась таинственным даром, перешедшим к нынешним поколениям от героев архаики, а к тем, в свою очередь, — от божеств-предков. Она несла в себе знание предков и была наиболее ярким представлением того, что есть гармония 和 (he2) и сопутствующая ей радость «лэ» — синоним благородного наслаждения благой жизнью, высшей целью человека.

В древнем Китае музыка существовала как государственный институт. Термин «艺» (yi4), или «六艺» (liu4yi4) еще задолго до Конфуция имел политическое значение и выражал социально-значимый, необходимый для государства комплекс знаний и умений (так называемые 6 искусств: обряды, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, литература и математика), требовавшихся для занятия той или иной государственной должности.

Памятники всех философских учений древности изобилуют высказываниями о музыке, которая наделялась силой, способной воспитать общество, человека, держать в повиновении народ, помогать управлять государством. Благодаря этому, составление музыкальных

уложений в древнем Китае считалось также делом государственным, и музыка рассматривалась не только как язык чувств, но и как язык мысли.

Непосредственно проблемами воздействия музыки на нравы и обычаи народа, использования музыки при управлении государством занимались прежде всего представители конфуцианства, которые во главу своей деятельности ставили вопросы нравственного совершенствования личности.

Музыка, как уже было сказано, рассматривалась как одно из наиболее эффективных средств воздействия на человека. Считалось, что она способствует установлению социальной гармонии в обществе, чему конфуцианцы уделяли большое внимание.

Почти все положения о музыке в учении Конфуция легли в основу классической концепции китайской музыки. Древнейший трактат, посвященный музыке, «乐经» (yue4jing1) (Каноническая книга о музыке) входил в комплекс первоначально существовавших в Китае шести классических книг. В период гонений на конфуцианство и сожжения книг в 3 веке до н. э. это сочинение погибло и впоследствии его полный текст восстановить не удалось. Сохранились лишь отдельные части, которые вошли в состав других конфуцианских произведений.

Таким образом наиболее подробные сведения о древнекитайской музыке, дошедшие до нас от Канонической книги о музыке, приводятся в специальном разделе «乐记» (yue4ji4) («Трактат о музыке», или, точнее, «Записки о музыке») из канонической книги «Лици» («Книга обрядов»). Включение «Записок о музыке» в «Книгу обрядов», относящуюся к 3–2 вв. до н. э., произошло примерно в конце 1 века до н. э. К сожалению, из изначально существовавших 23 глав данного трактата до нас дошли 11, а от остальных сохранились лишь названия. Но и сохранившиеся 11 глав представляют собой ценнейший материал, который раскрывает перед нами целый пласт духовной культуры Китая. «Записки о музыке» подробно излагают теорию происхождения и развития музыки, а также её связь с человеческими чувствами; космологическую и натурфилософскую концепцию музыки и её социальную значимость, а также выявляют синкретический характер музыки и её связь с системой этикета.

Далее мы бы хотели более подробнее остановиться на следующих из выше приведенных идей «Записок о музыке».

1. Возникновение музыки:

凡音之起 由人心生也
人心之动 物使之然也
感于物而动 故形于声
声相应 故生变
变成方 谓之音
比音而乐之... 谓之乐

«Каждое возникновение тонов рождается из сердца человека. Движения сердца человека определяются действием вещей. Чувства приводятся в движение под воздействием вещей и оформляются в звуки. Звуки откликаются друг на друга и рождаются преобразования. [Когда] преобразования образуют структуру, это называется тонами. Соположение тонов и исполнение их на музыкальных инструментах ... называется музыкой».

Идея о связи музыки с внутренним миром человека, с его сердцем, идея мелодии души является одной из основополагающих идей «Записок о музыке». Эта идея постоянно варьируется и развивается на протяжении всего трактата. Мерой музыки является человек. Возникновение музыки как таковой является результатом некой работы, происходящей внутри него. Первичные природные звуки «声» («шэн»), возникающие в сердце человека как реакция на внешний мир, проходят некую обработку внутри человека, приобретают организованную форму «方» («фан»), образуют узор «文» («вэнь») и превращаются в тоны «音» («инь»), то есть становятся упорядоченными.

Таким образом в «Записках о музыке» делается акцент на упорядоченность, организованность музыки, которая представляет собой логическое завершение внутренней работы, происходившей внутри человека, некую проекцию возникающих в его сердце чувств, как то «печаль» (哀 (ai1)), «радость» (乐 (le4)), «удовольствие» (喜 (xi3)), «гнев» (怒 (nu4)), «тщание» (敬 (jing4)), «любовь» (爱 (ai4)).

2. Связь музыки с правлением и этикетом

是故	先王慎所以	感者
故	礼以道其	志
	乐以和其	声
	政以一其	行
	刑以防其	奸
礼乐	刑政 其	极一也
所以同民心而出		治道也

«Таким образом прежние ваны были осторожны с тем, что воздействует [на людей]. И [они создали] этикет, чтобы руководить их помыслами, музыку, чтобы делать ладными их звуки, правление, чтобы делать едиными их действия, наказания, чтобы воспрепятствовать их злокозненности. Этикет, музыка, правление и наказание в своих высших проявлениях едины. Это то, чем объединяются сердца людей и начинается путь порядка».

Данный отрывок демонстрирует обоснование социальной значимости музыки и этикета и их связь с государственным правлением. Интересно проследить как понятие « 人心 » (ren2xin1) (сердце человека) постепенно эволюционирует в « 民心 » (min2xin1) (сердца людей). Таким образом этикет призван «руководить» народом, определяя социальные разграничения человека в обществе с помощью ранжирования («等» (deng3)), установления различий (« 别 » (bie2) и « 异 » (yi4)) и порядка («序» (xu4)). Музыка в контексте данного трактата также получает определенное социальное звучание. Она является логическим продолжением функций этикета. Музыка должна прежде всего воздействовать на чувства людей, сближать их духовно и тем самым поддерживать единство общества, цементировать различные общественные слои в государстве. Объединение « 同 » (tong2) и гармонизация отношений (« 和 » (he2)) между верхами и низами (« 上 » (shang4) и « 下 » (xia4)) в обществе - вот непосредственные функции музыки, раскрывающиеся в «Записках о музыке». Главная же и высшая же задача как музыки, так и этикета - это достижение равновесия в правлении.

И точно также как на индивидуальном уровне (и это уже было продемонстрировано выше) музыка является проекцией субъективных

человеческих чувств, то на социальном уровне она непосредственно отражает политические процессы, происходящие в обществе:

是故	治世之音安	以乐 其政和
	乱世之音怨	以怒 其政乖
	亡国之音哀	以思 其民困
	声音之道	与政 通矣

«Таким образом звуки поколений, находящихся в порядке, спокойны в [своей] радости. их правление ладно. Звуки поколений, находящихся в смуте, озлоблены в [своем] гневе, их правление странно. Звуки гибнущих царств печальны в [своей] задумчивости, их люди в затруднении. Пять звуков и тонов сообщаются с правлением».

В данном отрывке представлены три состояния государства, качества музыкальных тонов в зависимости от этих состояний и качество правления. Таким образом музыка опять приобретает острое социальное звучание, являясь своеобразным индикатором политической ситуации в обществе.

3. Космогоническая теория музыки и этикета

Значительное место в «Записках о музыке» отводится проблеме явлений природы и Космоса, которые в свою очередь тесно связаны с земными делами и музыкой.

地气上齐
天气下降
阴阳相摩
天地相荡

«Земные пары выравниваются наверх. Небесные пары спускаются вниз. Инь и Ян трутся друг об друга. Небо и Земля вызывают взаимный резонанс».

Категория «气» (энергия «ци», в данном переводе «пары») — центральная категория для натурфилософии. Она непосредственно связана с музыкой. Музыка — это в конечном счете колеблющиеся с

определенной частотой мембраны, хотя бы это были Небо и Земля. «Ци» — категория сложная и интерпретируется она исследователями по-разному, но в любом случае под «ци» может пониматься среда, способная переносить такие колебания. В силу того, что все в мире движется в присутствии «разнозаряженных» Инь и Ян, «ци» наделяется функцией передаточной среды движения. Между Небом и Землей существует напряжение, вызывающее их взаимное влечение. Это напряжение создает постоянный отток «ци» — движение от одного полюса к другому — от Неба к Земле, от Инь к Ян. Космос является каузатором многих процессов, происходящих на Земле. Исходящая из Космоса динамическая сила заставляет колебаться все вещи как колеблющиеся части музыкальных инструментов.

Сама по себе парность (Инь - Ян, Небо - Земля) космогонична. Каждому «мужскому» тону соответствует «женский» тон, они парны. Для получения упорядоченной музыки необходимо структурировать высокие и низкие, или чистые и мутные звуки.

В космогоническом масштабе Небо и Земля являются противоположными полюсами вертикальной бинарной оппозиции. Музыка следует Небу и проецирует свои законы на социум. Этикет следует Земле и, действуя непосредственно в горизонтальной системе координат, приводит эти законы в исполнение. Вместе и этикет и музыка распространяют свое действие по всему пространству (как по вертикали, так и по горизонтали).

及夫礼乐之极乎天而蟠乎地
行乎阴阳而通乎鬼神
穷高极远而测深厚

«К тому же этикет и музыка достигают Небо и обвивают Землю, действуют в согласии с Инь и Ян и сообщаются с навями и духами, исчерпывают высокое, доводят до предела далекое, измеряют высокое и толстое».

Таким образом действие музыки и этикета распространяется на все трехмерное пространство, включая потусторонний мир навей и духов.

БИБЛИОГРАФИЯ

(на русском языке):

1. Го Мо-жо. «Бронзовый век» (статья «Гунсунь Ни-цзы и его теория музыки»). Издательство иностранной литературы. Москва, 1959.
2. «Древнекитайская философия». Москва, 1994.
3. «Музыкальная эстетика стран Востока» (Памятники — Сборники). Музыка, 1967.
4. Н.Шиманская. «Музыкальное искусство Китая». Сборник студенческих работ по филологии стран Востока. Ленинград, 1954.
5. Г.А.Ткаченко. «Космос, музыка, ритуал». Главная редакция восточной литературы. Москва, 1990.
6. К.И.Голыгина. «Великий предел». Издательская фирма «Восточная литература» РАН

КИТАЙ И ЛЮДИ

А.М.КАРАПЕТЬЯНЦ

СЕРГЕЙ СТАРОСТИН

Это было ровно 25 лет тому назад... Мне как преподавателю курса истории языка, занимавшемуся в какой-то мере китайской фонетической реконструкцией, сообщили, что один подающий большие надежды студент Отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, изучающий японский и китайские языки, в своей курсовой работе сделал новую реконструкцию древнекитайского произношения и дали почитать его работу. Эта работа оказалась последним словом в этой сложной отрасли лингвистической науки, причем словом очень веским...

В 1975 г. С.А.Старостин закончил филфак и развил эту работу в кандидатскую диссертацию, защищенную в 1978 г. Кафедра китайской филологии ИСАА при МГУ удостоилась чести быть ведущей организацией. Официальные оппоненты (в их числе был старейшина отечественных лингвистов-китаеведов, любимый ученик А.А.Драгунова С.Е.Яхонтов) были единодушны в том, что это не кандидатская, а докторская диссертация. В отзыве ведущей организации говорилось, что по сути дела это одна кандидатская (уточнения среднекитайской реконструкции) и две докторские (собственно древнекитайская реконструкция и описание изменений чтения иероглифов на протяжении более тысячелетия, отделяющего эпоху «Ши цзина» от времени создания первых книг рифм — основного источника среднекитайских реконструкций) диссертации.

Такая оценка в то время только задержала утверждение ВАКом, и докторскую диссертацию С.А.Старостин защитил в 1992 г. по японской проблематике, после чего возглавил кафедру компаративистики и древних языков Российского государственного гуманитарного университета. Обе диссертации С.А.Старостина были изданы в виде монографий: «Рекон-

струкция древнекитайской фонологической системы» (1989) и «Алтайская проблема и происхождение японского языка» (1991).

Сейчас, несколько десятилетий спустя, сделанное С.А.Старостиным еще в годы учебы и непосредственно после этого, ощущается особенно рельефно. В области японского языкознания это доказательство принадлежности до того «безродного» японского языка к алтайским языкам. Уже одно это поставило С.А.Старостина в один ряд с ведущими лингвистами нашего столетия. Но в области китаеведения им было сделано еще больше. Оригинальный подход к древнекитайской реконструкции позволил С.А.Старостину получить достоверные сино-тибетские реконструкции, которые, в свою очередь, позволили доказать родство сино-тибетских и северокавказских языков (С.А.Старостин занимался полевыми исследованиями в Северном Кавказе еще будучи студентом).

Эта работа по сути дела послужила основой проведенной в Институте востоковедения АН СССР в декабре 1984 года конференции «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока», наметившей передовые рубежи сравнительного языкознания. Доклады, прочитанные на этой конференции, убедительно показали, что большинство языков мира относятся всего лишь к двум макросемьям — ностратической (в том числе алтайские) и синокавказской (об этой конференции см. №№ 7–8 журнала «Знание-сила» за 1985 г.).

Так С.А.Старостин приобрел заслуженную репутацию ведущего лингвиста-компаративиста, и не последнюю роль в этом сыграло изучение китайского языка...

Приложение

Возможно, кого-нибудь заинтересует список основных статей С.А.Старостина по сравнительному языкознанию. Он имеет следующий вид.

1. К вопросу о реконструкции прааппонской фонологической системы // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
2. О генетическом сравнении китайского и тибетского языков (фонетические соответствия) // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
3. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л., 1982.

4. О тонах в древнекитайском языке // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии». М., 1983.
5. Sino-Tibetan and Austro-Thai — Computational Analyses of Asian & African languages, No. 22, Tokyo, 1984.
6. Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и севернокавказскими языками // Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984.
7. Sino-Tibetan and Austro-Thai — Computational Analyses of Asian & African languages, No. 22, Tokyo, 1984.
8. Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и севернокавказскими языками // Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984.
9. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
10. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки. (Там же, совместно с И.М. Дьяконовым).
11. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989.
12. Nostratic and Sino-Caucasian // Explorations in Language Macrofamilies. Bochum, 1989.
13. On the hypothesis of a genetic connection between the Sino- Tibetan languages and the Yenisseian and North-Caucasian languages // DeneSino-Caucasian languages. Bochum, 1991.

АСПИРАНТКА

От редактора

Автор этой публикации — человек необычной судьбы. Сейчас он заканчивает МАИ и пишет диплом по дизайну самолетов. Одновременно он учится на Межвузовском факультете по преподаванию китайского языка ИСАА при МГУ. Больше всего он любит каллиграфию и прекрасно в ней разбирается. Он также — издатель газеты «Ключи Востока», название которой можно понимать и в переносном (как «ключи к Востоку»), так и в прямом смысле, так как материал каждого номера организован вокруг определенных ключей, как это слово понимают китаисты — т.е. детерминативов иероглифов.

Публикуемый материал взят из №№ 4–5 этой газеты за 1998 год. Его автор, возможно, и не подозревает о том, что идет по стопам расстрелянного в 1939 году видного советского писателя и драматурга, одного из теоретиков ЛЕФа С. Третьякова. Будучи приверженцем «литературы факта», Третьяков в 1930 году опубликовал «био-интервью» «Дэн Ши-хуа», наметившее веки жизненного пути современного китайского левого интеллектуала. Подобный текст позволил «войти» в китайскую повседневность, прикоснуться к Китаю как-бы изнутри, не через парадный вход.

Возможно, прочитавшие это бесхитростное повествование будут лучше понимать людей, чей язык и чью культуру они изучают. А, может быть, им еще захочется прочесть книгу С. Третьякова, переизданную в сборнике его произведений под названием «Дэн Ши-хуа. Люди одного ко-стра. Страна-перекресток» в 1962 году.

Плавный, необычайно хрупкий и нежнодрожащий голос глубоко запал в душу. Ван пела на китайском языке. Мелодия то протяжно звуча, ослабевала, то искрясь усиливалась. Восточный мотив уводил в воспоминания и будил далёкие думы...

Род Ван занимал небольшие выложенные из кирпича дома, которые стояли плотно прижавшись друг к другу в виде буквы «С» или «Г», так, что двери внутреннего дворика выходили на юг, а флигеля делились на восточный и западный. Дом считался счастливым, если его стены были точно обращены на четыре стороны света. За северной стеной у каждой семьи имелся небольшой огород. К нему шёл чёрный ход с кухни. Кухня с очагом на полу, комната-хранилище (подвалов, как в России, не было),

спальня, коридор-гостиная и чердак, с идущей к нему с улицы лестницей — вот и вся планировка дома.

Семья дедушки-Вана занимала дом посередине, а рядом селились семьёй из четырёх его сыновей. По соседству жили другие роды: Дэн, Лю, Ян, ещё Ван, образуя китайскую деревню. Деревня имела общественное поле, угодье для выгона скота, хлев, несколько служебных помещений...

«Помню себя с 5–6 лет, раньше — нет или очень смутно. Отец любил петь и играть на аккордеоне — так я научилась музыке и пению. У него был очень хороший репертуар. Есть музыкально-исторический фильм о поэзии — отец часто исполнял песни из этого фильма. Эта музыка до сих пор звучит в моём сердце. У моего второго дяди тоже очень красивый голос, яркий и высокий».

Ван перестала петь, склонилась над написанными русской рукой иероглифами. Они прыгали то вверх, то вниз. Убегали и прибегали, черточки извивались и сталкивались между собой. «Любой иероглиф должен заполнять пространство в воображаемом квадрате независимо от количества черт. Знаки выстраиваются строго в линию, не нарушая границ квадратов. Когда начинаешь писать иероглифы, душа приходит в спокойствие. Пиши внимательно, медленно и сосредоточенно, с любовью, всматривайся в формы знака, проверяй, не оставляй знаки недописанными, — и они легко будут давать себя запомнить». Ничего не исправив, Ван отложила ручку. Повторяя эти слова, я уже по-другому смотрел на текст...

В деревне маленькая Ван Фэн-фэн много времени проводила с бабушкой и дедушкой: «Мы с сестрой родителей видели не часто. Мама и папа работали в разных местах. Папа ездил на работу в уездный центр. Мама работала тоже далеко и, как и отец, приезжала только в субботу утром, а уезжала уже в воскресенье вечером. Она была учительницей физкультуры, а папа преподавал в высшей школе философию».

«Мой дедушка часто бывал в чайной и нас брал с собой. Там были шошуды — рассказчики легенд, преданий. Шошуды — старец, в длинном простом платье. В руках он держит веер и во время рассказа может резко раскрыть его, а потом так же внезапно закрыть, подчёркивая напряжённость сюжета. Старик-шошуды очень подвижен: то играет, то показывает, то вновь рассказывает, то, аккомпанируя, поёт. Звучали в стенах чайной и классические романы — “Троецарствие”, “Речные заводы”. Сказителей сейчас можно увидеть по телевизору...»

Согласно традициям, отец Ван (третий по старшинству), как и остальные братья, жил рядом с своим отцом, а семья матери рода Лу — отдель-

но, в соседней деревне. «Мы иногда вместе навещали их: в этой семье было много родственников — три тётки и два дяди. Когда в шесть лет я пошла в школу, в нашем классе учились четверо двоюродных сестёр и братьев, а в другом классе их было пятеро! Игр знали много. Любимым нашим занятием была игра в теннис — в перерывы между занятиями мы летели к столу занять место. В школе много детей — у всех большие семьи.»

«Мне — 6–7 лет. Помню новогодний вечер. Четыре маленьких семьи обязательно ужинали вместе. Эта традиция надолго сохранилась. А потом, после реформы, много разъехалось родных наших в разные края, и нам уже не встретиться, как прежде. А ведь у меня 10 двоюродных братьев и 5 двоюродных сестёр! Я была из девочек самой маленькой, и меня поэтому очень любили, а потом только я так далеко уехала — в Россию».

«Имена моих дедушек и моего родного дедушки со стороны отца были не простыми, а символами власти. Такие имена мог дать только образованный прадед. А нам с сестрой отец дал редкие иероглифы — драгоценные камни».

«После вступительных экзаменов, заменяющих выпускные в высшей школе мне вскоре пришёл вызов из Нанкина. Я была так была счастлива! Экзамены в Китае решали судьбу молодого человека: возможность выдержать их предоставлялась только раз... Меня мама провожала до уездного центра, дальше до Нанкина я добиралась сама».

Нанкин — «Южная Столица» хранит памятники Большой истории — от старой крепостной кирпичной стены до мавзолея Сунь Ят Суну. Городсад, с устремлённой в высь пагодой, с отражающими древние созвездия водами озера, с первой в Китае обсерваторией и с новым гигантским мостом через Янцзы предстаёт в моем воображении. Институт, не нарушив давнюю традицию, влился парком в окружающий ландшафт.

«В вузе училось легко. Занимались спортом, ездили на фермы, принадлежащие нашему институту, копали арахис, собирали сою, на картошку ушло только две недели. В нашей группе было две девушки, остальные — три десятка ребят. В Китае мужчин больше, чем женщин, а в России, мне кажется, — наоборот... После аспирантуры учительствовала, ходила полтора года на курсы русского языка. Сдала экзамен и набрала баллы для продолжения учебы в России. Нашу группу вела очень хорошая преподавательница. Так мне предложили заниматься своей специальностью в России»...

ПОСЕЩАЯ ПУШКИНСКИЕ МЕСТА

四个苦行僧(sēng)探(tàn)访(fǎng)普(pǔ)希金故居(gùjū),
在马路、草地及泥泞(níníng)中,
留下了他们的足迹(jī)、汗(hàn)水及欢笑,
微(wēi)风中仿佛(fǎngfū)听到了诗(shī)人壮(zhuàng)丽的诗篇(piān),
歌颂(sòng)着生命及大自然的风光(guāng)。
睡梦(mèng)中仿佛看到了诗人翩(piān)翩的风采(cǎi)。
埋(mái)头等待(dài)着写作的灵(líng)感。
离情依(yī)依,犹(yóu)有未(wèi)尽(jìn)。
相许(xǔ)再访,为(wéi)期不远。

1997. 9. 24.

尹(yín)南鹏(péng)

АЙ ДА РОССИЯ!

哎哒——露西亚——这就是俄国！

难道你能责怪(zéguài)我?想我深深地爱着她。

为她歌唱时,我的声音在颤抖(chàndǒu),难道这是我的错?

难道你能责怪我?难道这是我的错?(俄罗斯民歌)

(一)

多年以来,我队俄罗斯怀着丝(sī)丝眷(juān)恋(liàn),切切思念。即便在那悲痛欲绝的文革岁月中,中苏关系冰冻到零点时,终难忘的还是普(pǔ)希金的《奥涅(niē)金》、莱(lái)蒙(méng)托夫《当代英雄》、屠(tū)格(gē)涅夫的《父与子》、列宾的《伏(fū)尔(ěr)加船夫》、柴(chái)科夫斯基的《悲怆(bēichuàng)》,还有那《三套车》、《卡秋莎(shā)》、卓(zhuó)娅(yǎ)、舒拉、古丽雅(yǎ)...此种感情犹(yōu)同对情人的爱恋,却又有着更深的寓(yǔ)意——它是对精神心灵(líng)的追求(zhuīqiú),亦是对理想世界的渴(kě)望。

今夏,我终于去了俄国,还了宿愿。行前两周,我思绪(xù)纷乱(fēnlùn)、忧(yōu)喜参(cān)半。这十年来,有关俄国的所听所闻,总令人忧心忡(chōng)忡:食物匮乏(kūiquē)、物价(jià)飞涨(zhǎng)、服务低劣(liè)、交通困难。再想到那无空不入的《克(kè)格勃(bō)》和《黑手党》,难免不让人焦(jiāo)虑多于迫切(pòqiè),惶(huáng)恐甚(shèn)于兴奋(xīngfēn)!然而,当飞机盘旋(pánxuán)在莫斯科上空,辽阔(liáokuò)的俄罗斯大地蔓延(mānyán)舒展在那云层之下的时候,我的心情却如那远方游子回到久久盼(pàn)望的家乡。当我在机场看到来迎接我的俄国友人,在他们热烈拥抱(yōngbào)之中,我似乎见到了朝(zhāo)思暮(mù)想的亲人。此时此地,我心中荡漾(dāngyàng)着幸福喜悦(yuè),那忧心焦虑早抛(pāo)到九霄(xiāo)云外...

不料,正在我满怀(huái)欣(xīn)喜去取行李时,两个亚洲人突然出现并拦(lán)住了我的去路。我的心顿时一沉(chén)!来前,朋友们不是早就警告我,在今日俄国,诈骗(zhàpiàn)抢劫(qiǎngjié),屡(lǚ)见不鲜(xiān),而且罪犯中有不少流落异(yì)邦的亚洲人?我立即警觉起来,心中盘(pán)算如何对付(dùifù)这两位不速(sù)之客。可是,再看他们,却稍(shāo)为定心:虽然他们看上去蓬(péng)头垢(gòu)面,精神颓唐(tuí táng),却都还

不像坏人、恶棍(ègùn)、酒鬼、歹徒(dǎitú)....

这时，其中一位彬(bin)彬有礼地问我：

「先生，您是否(fǒu)说中文？」

我还来不及回答，另一位却已急切(jíqiè)地说道：「先生，我们需要您的帮助！」

当得知我是从美国来的中国人时，两人脸上浮(fú)出一丝笑容，连连说道：

「太好了，太好了」。接着，他们几乎同声说道：

「先生，我们也是中国人。我们已被困(kùn)在这个机场三天三夜了。我们坐俄国飞机从君士坦(tǎn)丁堡(bǎo)经莫斯科回北京，可是飞机到莫斯科时晚点，我们没能赶(gǎn)上去北京的飞机。」

「那你们可以坐第二天下一班飞机啊」，我说道。

「他们说没有座位，票早预(yù)售(shòu)完了。」

「那航空公司应该给你们安排食宿啊！」

「他们说没有这项(xiàng)义务。」

「真的吗？不过，你们实在没办法，也可以自己找个旅馆啊。」

「要那样，也就好了；可是他们根本不允(yun)许我们出海关，因为我们没有进俄国的签证(qiānzhēng)。」

「他们就让你们坐等在飞机场里吗？」

「我们已经等了三天了，不能洗澡，没有饭吃，连电话也不能打！」

「为什么？」，我仍(réng)感费(fěi)解。

「我们不会俄文，再说他们连个电话本都没有！」

「你们会英文吗？」

「我们会说一点；可是他们听不懂，也死活不管，态度恶劣极了。」

「那，我能帮你们什么忙呢？」

听了我这句话，它俩如释重负(zhòngfù)，近乎哀(āi)求地说道：

「先生，我们只想请您过海关后，去楼上中国航空公司办公处带一口信，请他们务必来接应我们这两个困守(shou)的中国人。」...

乍(zhà)到异国，奇遇同胞(bāo)，本应是乐事。可是这两位同胞落难平川的遭(zāo)遇，给了我当头棒(bàng)！我心中暗(àn)暗祈(qí)求：但愿上天保佑(yǒu)，本人此行顺利如意！出于同情和求好运的心情，我出关后即(jí)奔(bēn)楼上，在那迷(mí)宫似的机场大楼里找到了中国民航公司办事处。但是，此时已晚上九点，只见房门紧(jǐn)锁(suǒ)，他们早已下班了。无奈(nài)之中，我从隔壁(gébi)法国航空公司办事处两位小姐手中借的笔纸，匆(cōng)勿留言，恳(kěn)请他们尽(jìn)速解救同胞。当我回到车里，将此事告诉我的俄国朋友时，他们感慨(kǎi)而同情地摇(yáo)了摇头，说道：「哎哒——露西亚(Eto Rossiya)---这就是俄国！」

КИТАЕВЕДНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Л.В.БАНЬКОВСКИЙ

СИНОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Синологическая библиотека 40 лет назад, 6 марта выплеснулась из академического собрания книг по Китаю Института Востоковедения (ныне ИВ РАН) в Москве и стала самостоятельным хранилищем восточной мудрости при только что открытом Институте китаеведения. Институт просуществовал недолго, и после ряда преобразований библиотека была передана академическому Институту научной информации по общественным наукам. Официально она получила статус Синологического отдела ИНИОН РАН, но многочисленные читатели продолжали называть её библиотекой или попросту «Синологичкой».

Предыстория некоторых её раритетов восходит к самым истокам отечественного китаеведения. Оказывается, первая российская публичная библиотека была создана не где-нибудь, а на территории Китая для нужд Российской духовной миссии в Пекине. В 1795 году студент миссии Павел Каменский превратил собственное небольшое книжное собрание в общественную библиотеку с абонементом и читальным залом. И в миссию с того времени не прекращался поток новых книжных поступлений. Студент закончил в Китае своё переводческое образование, вернулся на родину, а открытые им книжные «ключи» продолжали действовать. Его старания помогли другому энтузиасту книги, будущему знаменитому китаеведу Иакинфу Бичурину не только создать научную китаеведческую библиотеку, но и доставить её на родину.

15 мая 1821 года из Русской духовной миссии взял путь на север караван из тридцати верблюдов с отрядом охраняющих их всадников. 15 верблюдов несли во व्यюках четыреста пудов аккуратно упакованных книг и ящик с рукописями самого Бичурина.

В 1954 году духовная миссия — эта своеобразная школа русских учёных и дипломатов, на протяжении ста пятидесяти лет выполнявшая

функцию неофициального дипломатического представительства России в Китае, была упразднена, а спустя некоторое время часть её книг попала в Синологическую библиотеку. Вместе с книгами духовной миссии библиотеке удалось приобрести и часть книг, принадлежавших консульству нашей страны в Харбине и Восточному институту во Владивостоке.

История самого Восточного института и его библиотеки тоже весьма примечательны. Институт был создан на рубеже XIX и XX столетий. Первые преподаватели А.В.Гребенщиков, П.П.Шмидт и другие закупили основу его библиотечного фонда в Мукдене (Шэньяне). В 1910 году профессором Е.Г.Сильвеном был составлен и издан «Шифровой каталог китайских книг Восточного института». Институт и библиотека были предшественниками Дальневосточного университета, который в 1939 году был закрыт (сейчас восстановлен), а книги рассыпались коллекциями по различным научным учреждениям и учебным заведениям. Часть оказалась в Российской государственной библиотеке, часть — в городской библиотеке Алма-Аты. Кое-что досталось и Синологической библиотеке в Москве.

По традиции, берущей начало в XVIII веке и в бичуринские времена, почти все востоковедные библиотеки нашей страны пополняются ценнейшими книжными собраниями российских учёных-востоковедов и любителей восточной книги. За сорок лет жизни Синологическая библиотека приобрела уникальную книжную коллекцию всемирно известного учёного, глубокого знатока китайской культуры академика В.М.Алексеева, собрание маньчжурских книг Санкт-петербургского учёного Б.И.Панкратова, библиотеки известных литературоведов Л.З.Эйдлина, М.Е.Шнейдера, А.П.Рогачёва, А.А.Тишкова, этнографа и археолога В.С.Старикова.

Значительную часть своей библиотеки подарил «Синологичке» учёный и дипломат, известный китаевед академик С.Л.Тихвинский, стоявший у её колыбели и приложивший немало усилий к тому, чтобы её рождение состоялось.

В наше время Синологическая библиотека остается одним из самых значительных китаеведческих научных и научно-просветительских учреждений. От основания в ней работают заведующая Л.В.Чапаева, главный библиограф В.П.Журавлёва, библиотекари И.Г.Петренко, И.Л.Мазуренко.

ЗДЕСЬ ПРЕПОДАЮТ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Восточная гимназия в Санкт-Петербурге

Школа, о которой пойдет речь, вполне могла бы считаться совершенно обыкновенной и ничем не примечательной, если бы не одно обстоятельство — в ней вот уже на протяжении более сорока лет дети изучают китайский язык. Сколько за эти годы из ее стен вышло выпускников? В масштабах города, а тем более целой страны, наверное, не очень много: чуть более тысячи. Но учителя помнят каждого из них. Кто из них кем стал — не так уж и важно. Главное, что 40 лет подряд они собираются 19-го октября — в день основания своей школы — и вспоминают... Победы и неудачи, успехи и поражения, горести свои и радости... И сколько бы лет ни прошло с выпускного вечера, каждый из них несет в своем сердце тепло души своих учителей, многие из которых и по сей день работают в этой школе, навсегда оставшейся для своих выпускников островком любви, света и добра.

Немного истории. Школа наша была основана в 1956 году, сначала она называлась 5-й интернат, потому что здесь учились, в основном, дети из неполных семей, сироты, оставшиеся без родителей. Школа была для них не просто учебным заведением, а настоящим домом, где проходила вся их жизнь. За этой казенной вывеской «интернат», в доме № 49 по проспекту Мориса Тореза, что находится возле парка «Сосновка», жили и живут милые, очень умные дети, которые необычайно гордятся тем, что они — воспитанники интерната, хотя в течение времени несколько лет назад школа наша была переименована и теперь носит название Восточной гимназии. А интернатные группы остались по-прежнему, ведь наша школа — единственное в Петербурге муниципальное учебное заведение, где изучается китайский язык, и ездят сюда дети со всего города. Малышам очень трудно каждый день переносить долгую дорогу в городском транспорте, для них и существуют интернатные группы.

За прошедшие 40 лет изменилось очень многое. В первые годы после создания в нашей школе было очень мало учеников — помещение типовое, рассчитанное на 300 человек, вмещало всего человек 150 — мало тогда было желающих изучать китайский язык, да и по тем давним временам школа находилась почти на окраине города. Но шли годы, школа крепла, развивалась, заявляла о себе в полный голос сначала в Выборгском районе,

затем и в Ленинграде. Менялся состав учителей, но неизменными с тех, теперь уже давних пор остались преподаватели китайского языка Нина Михайловна Кулакова, Ирина Леонидовна Спешнева, Александр Трофимович Иванов, учитель русского языка и литературы Галина Федоровна Гагарина, учитель физкультуры Анатолий Анатольевич Гаврилов, воспитатели Эра Александровна Зуева и Алла Николаевна Андреева. Они были и остаются для ребят не просто учителями и воспитателями, а людьми, которые всю свою жизнь отдавали им, своим воспитанникам, может быть, чуточку больше тепла и любви, чем своим собственным детям.

Их ученики вырастали и становились достойными своих учителей. Сейчас в школе работают многие ее выпускники. Вера Николаевна Воротилина, окончив нашу школу, продолжила свое образование на Восточном факультете ЛГУ им. А.А.Жданова, после получения диплома вернулась в родную школу, несколько лет работала преподавателем китайского языка, теперь она — заместитель директора гимназии по иностранным языкам. Галина Геннадьевна Бойцова — преподаватель китайского языка, тоже выпускница нашей школы, сейчас она проходит языковую стажировку в Китае. Виктория Александровна Потемкина, окончившая нашу школу, преподает английский язык, ее мама — Надежда Григорьевна Жукова — преподает домоводство, и кто знает, может быть маленькая дочь Виктории Александровны и внучка Надежды Григорьевны Настя, которая учится сейчас во 2-м классе, придет в эти стены через много лет и пойдет по стопам бабушки и мамы? И появится новая педагогическая династия.

Многие выпускники нашей школы теперь приводят сюда учиться и своих детей, и их малыши учатся у тех же преподавателей, у которых учились их мамы и папы. Продолжаются традиции!

Изменилась ситуация в стране, изменились мы сами, безусловно, изменился и наш подход к отбору будущих учеников в нашу гимназию. Теперь, вот уже несколько лет, он проходит на конкурсной основе. Мы стараемся отбирать безусловно одаренных детей, обладающих, прежде всего, способностями к изучению иностранных языков, ведь с 1989 года преподавание китайского у нас ведется с 1-го класса, а английского — со 2-го. В Петербурге за последние годы появилось очень много специализированных учебных заведений, где преподаются самые разнообразные иностранные языки. Так что у нас теперь — много конкурентов. От того так строг и отбор в нашу школу: ведь она единственная муниципальная из

всех, где теперь введено преподавание восточных языков. Но мы можем гордиться тем, что наши выпускники становятся студентами Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, Университета Экономики и финансов, Восточного института и многих других ВУЗ'ов. Умение серьезно и плодотворно трудиться, полученное у нас в школе, пригодилось многим из них.

А какие интересные праздники проходят у нас в школе! Традиционно 1-го октября каждого года мы отмечаем день провозглашения Китайской Народной Республики. В этот день к нам приезжают гости из Генерального консульства КНР в С.-Петербурге, китайские студенты и аспиранты, обучающиеся в различных высших учебных заведениях нашего города. В конце января — начале февраля мы вместе с нашими китайскими друзьями празднуем наступление нового года по китайскому лунному календарю. В эти дни в стенах нашей гимназии звучат китайские стихи и песни, наши ребята показывают свое умение в каллиграфии, проходят яркие, замечательные конкурсы китайских фонариков, поделок из бумаги, выпечки, открыток, китайской живописи. Все эти замечательные вещицы наши ребята делают своими руками.

Три последних года в нашей гимназии учатся китайские дети, родители которых приехали в Россию работать. Китайские ребята учат наших играть в их национальные игры, петь их песни, танцевать народные танцы. Наши ребята обучают их всему тому, что знают сами. Крепнет их дружба не на словах, а на деле.

Большую помощь в организации учебного процесса оказывает нам Генеральное консульство КНР в Санкт-Петербурге, нам подарены прекрасные китайские книги классических и современных авторов, видеокассеты с видовыми фильмами о самых известных достопримечательностях Китая, учебники и словари. Все это очень помогает развивать в детях подлинный интерес к стране изучаемого языка.

Технически наша гимназия оснащена прекрасно: два больших компьютерных класса, лингафонные кабинеты, магнитофоны, видеомангнитофоны и телевизоры в каждом классе. Но остается неизменной одна серьезная проблема — нехватка учебных пособий. Те, которые нам дарит Генеральное консульство КНР, рассчитаны, в основном, на студентов и не очень годятся для школьников из-за сложности материала и объема изучаемой лексики. Раньше нам присылали учебники из Москвы, из Министерства образования, но последние из них — издания 1979 и 1981-го годов уже

окончательно устарели. За эти годы жизнь шагнула вперед, в языке появилось так много новых реалий, что перед преподавателями китайского языка нашей гимназии встала необходимость срочно писать новые учебники, которые бы отвечали современным требованиям. В этом году были созданы учебники для учащихся 5–6-х классов, фонетические словари к ним, тексты и аудиозаписи на китайском языке для учащихся 2–3-х классов.

Несколько лет в нашей гимназии преподаются не совсем обычные предметы: мифы Китая для младших школьников, история Китая — для старших школьников, отдельно введен курс разговорного китайского языка, который преподают китайцы, учим мы своих ребят и профессиональному переводу со словарем. Каждый учитель старается внести в общую программу что-то свое, интересное не только для него самого, но и для ребят, стремящихся не просто учить китайский язык, но и поближе познакомиться с историей, культурой, традициями этой древней и очень интересной страны. Но время неумолимо летит вперед — скоро устареют и сегодняшние учебники, но тогда, возможно, придет работать к нам в школу кто-то из сегодняшних учеников, и принесет с собой новые веяния и идеи. Мы очень ждем вас, наши дорогие! Приходите, будем работать вместе!

ИЗУЧАЯ КИТАЙСКУЮ ГРАМОТУ

Найти новую школу оказалось необычайно легко — первый же человек, к которому я обратился с просьбой показать дорогу, доброжелательно откликнулся:

— А, это китайская? Пойдемте, мне по пути.

Пять минут ходьбы и вот я уже перед белоснежным зданием школы — новостройки № 1948. Вокруг нее все еще суетились рабочие, нанося последние косметические штрихи на фасаде.

Войдя внутрь, я по сверкавшим новизной мраморным плитам холла сразу же проследовал в кабинет директора. Хозяйка его принимала заявления от симпатичной мамы о приеме в школу ее чада — белобрысого шестиклассника и его сестренки, которой в этом году предстояло пойти в первый класс. Проводив посетителей, Ольга Николаевна Семенова, директор первой в столице школы с углубленным преподаванием китайского, пояснила мне:

— Перед приемом в нашу школу стараюсь побеседовать с каждым родителем. Начинаю, как ни странно, с попытки их отговорить. Школа такого профиля, как вы, наверное, знаете, единственная в Москве. Помимо преподавания китайского, основы которого мы начинаем прививать ребятишкам с пятого класса, дети уже со второго класса постигают еще и английский язык. Вот и приходится объяснять, какая нагрузка свалится на их малышей. Впрочем, не могу не отметить, что мало кого из родителей пугают предстоящие трудности.

Что же касается самой Ольги Николаевны, то эта школа — та вершина, к которой она шла всю свою жизнь: Родившаяся в семье востоковедов, она и образование получила вполне в духе семейных традиций. Окончила МГУ, получив специальность историка-китаеведа. Однако с самого начала она чувствовала в себе призвание работать с молодежью.

— Когда мне предложили возглавить школу № 1948, я была просто поражена. Дело в том, что свою педагогическую деятельность я начинала с работы в детском саду с таким же номером. К тому же год моего рождения тоже 1948-й. Хотя, может быть, кому-то это и покажется смешным, я в этом совпадении цифр увидела свою судьбу. Очень хочу, чтобы моя трудовая деятельность и закончилась в этой школе.

последнему слову техники, два спортивных зала, со всеми мыслимыми спортивными снарядами — есть даже парочка тренажеров «Кетлер», видеозал с телевизором чуть не во всю стену, набитые до отказа новейшими компьютерами и «примочками» к ним компьютерные классы. Но меня особенно умилили спальни для малышей. Здесь первоклашки из группы продленного дня могут вздремнуть после занятий. Словом, походив по школе-новостройке, я понял, что будь у меня такая возможность, устроил бы учиться свое чадо именно сюда — зная, что отдаю его в надежные руки.

Перепечатано из газеты «За Калужской заставой», 1998, № 33.

КЛЮЧ К ТЕСТУ ПО МОДАЛЬНЫМ ГЛАГОЛАМ

能愿动词测试答案

1. 1. Ø/ 要, Ø;
2. 愿意;
3. 想, 会;
4. Ø/ 想, Ø/ 要;
5. 应该/ 要;
6. 会/ Ø;
7. 愿意;
8. 看, 能/ 可以;
9. 用;
10. 该;
11. 能/ 可以, 能/ 可以/ 要/ 想;
12. 应该;
13. 要;
14. 可以;
15. 能/ 可以/ 应该;
16. 可以/ 应该;
2. 1. 要; 2. 能; 3. 可以; 4. 应该; 5. 能; 6. 会, 会;
3. 1. 你不用去, 有什么事我会告诉你。
2. 我很想有一个中国朋友。
3. 妹妹很不愿意离开妈妈, 所以很难过。
4. 你愿意不愿意当班长? —— 不愿意。
5. 他研究中国文学, 还能翻译中国诗歌。
6. 你不应该去看足球比赛, [你] 看, 你又得了个两分。
4. 1. 要; 2. 须要; 3. 能不能; 4. 想; 5. 应该; 6. Ø/ Ø; 7. 行;
8. 可以, Ø; 9. 会; 10. Ø; 11. 不要/不能;

Впрочем, это не первое мое директорское кресло. А начиналось все так, За точку отсчета можно принять работу на государственных языковых курсах № 19 в 1987 году. Кстати, сейчас многие из моих воспитанников поступили в МГИМО, Институт им. Мориса Тореза. Главный вывод, который я там сделала: для того чтобы обучение было полноценным, учить надо не только языку, но и психологии китайцев. Поэтому на уроках я старалась учить не только правильному произношению и основам иероглифики, но и их культуре и искусству, практически неизвестным большинству наших сограждан.

Мне очень повезло: начальник управления образования округа — Галина Георгиевна Габуния оказалась очень дальновидным человеком, прекрасно видя перспективу новой школы. На Юго-Западе начали открываться русско-турецкая, русско-корейская, русско-еврейская, русско-грузинская школы. Поэтому она с пониманием отнеслась и к моей идее создания китайской школы. И отдала под мое начало школу № 190.

Там я начинала преподавать китайский сначала одна, а спустя год ко мне присоединились еще два преподавателя, которые, кстати, перешли в школу № 1948 вместе со мной. А тогда в 190-й мне поначалу было трудно найти общий язык с преподавательским составом, привыкшим работать по уже накатанной десятилетиями колее. Многие мои идеи встречались в штыки. И все-таки первый шаг был сделан. Как ни странно, наша школа стала более известна в Китае, чем в Москве. Там о нас писали в газетах, делали передачи на радио.

Когда после встречи председателя КНР Цзян Цзэминя с Борисом Ельциным был создан Российско-китайский комитет дружбы, мира и сотрудничества, в его состав включили и меня.

В ноябре прошлого года представители нашего комитета ездили в составе делегации президента РФ в Пекин. По возвращении Комитетом образования было принято решение построить новую школу, с тем чтобы создать на ее базе молодежный российско-китайский клуб, где могли бы встречаться представители юного поколения, проводить совместные мероприятия и акции,

База же у новой школы превосходная. Под конец нашей встречи Семенова провела меня по всем ее четырем этажам. И хотя внутренняя архитектура с ее узкими коридорчиками, низкими потолками ничуть не отличается от большинства типовых московских школ, зато начинка кабинетов поражает. Оборудованный новейшей акустической аппаратурой актовый зал, несколько лингафонных кабинетов, оснащенных по